

84(3)
Л59

Барбру Линдгрен

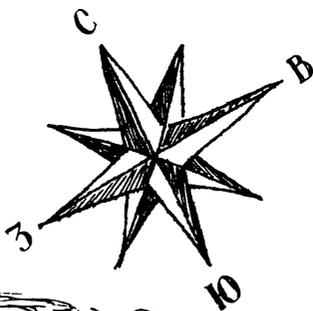
МАЛЬЧИК,
ДЯДЬМЕДВЕДЬ
И ПТЕНЧОНОК
В ОЖИДАНИИ ПЯТНИЦЫ

Художник Эва Эриксон

✶ Machaon

Эмон

Здесь Рыжий
нашел плот

Сосна
Элефанты

Картонная
школа

Банка
О'бой

Земля Мальчика

Здесь они потерялись

Барбру Линдгрен

МАЛЬЧИК,
ДЯДЬМЕДВЕДЬ
И ПТЕНЧОНОК
В ОЖИДАНИИ ПЯТНИЦЫ

Повесть-сказка

Перевод со шведского
Ольги Мязотс

Художник
Эва Эрикссон

Москва
«Махаон»

УДК 821.113.6-34-93
ББК 84(4Шве)
Л159

KORKEN FLYGER

Text © Barbro Lindgren

Illustrations © Eva Eriksson

*Впервые опубликовано Raben & Sjogren, Швеция, 1990.
Опубликовано по соглашению с Raben & Sjogren Agency.*

ISBN 978-5-389-16738-4 (рус.)
ISBN 978-91-29-66492-6 (шв.)

© Мяэотс О. Н., перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020
Machaon®

Персонажи

Мальчик	мальчик лет пяти
Ондатр	водяная крыса из России
Элефанта	игрушечная слониха
Дядьмедведь	полысевший плюшевый мишка
Пробка Бах	пробка от шампанского
Шишки	еловые шишки
Мак	резиновая обезьяна
Птенчонок	маленький вязаный птенец
Траурсен	шишка пинии с траурного венка
Крапинка	плюшевый медвежонок-девочка
Рыжий	дырявая плюшевая собака
Кругляшка	каменный шарик
Шишкинсон	сосновая шишка

Ночь длилась бесконечно долго. Они даже стали волноваться: наступит ли вообще когда-нибудь день? Землю Мальчика, словно одеяло с узором из крошечных звёздочек, накрыла тьма, плотная и непроницаемая.

Но день всё-таки наступил. Постепенно стал различим лес, маленькие моря, поляны и песочная яма. А посреди всего этого текла река Эмон, красивая и бурная. Но пока все ещё спали. Кроме Мака. Он рано поутру выкатил из банки с надписью *O'boy*, чтобы проверить мотоцикл перед гонками в песочной яме.

Вдруг в жестянку с грохотом что-то врезалось.

— Эй, разуй глаза! Этак ты мне банку сплющишь! — заорал Мак. И вдруг застыл в изумлении. — Только не говори, что ты шишка. Таких шишек не бывает.

– Бывают, – возразил прилетевший и представился: – Меня зовут Траурсен.

– Если ты шишка, то я Дядьмедведь!

– Я шишка пинии. Я украшал похоронный венок.

Мак, выпучив глаза, разглядывал невиданную шишещу.

– Что это у тебя такое болтается?

– Это лента, шёлковая.

– А что на ней за нумера такие понаписаны?

– Тут написано: «ПОКОЙСЯ С МИРОМ».

– Как же ты, ёлки-моталки, здесь оказался?

– Меня сюда забросили.

– И когда же?

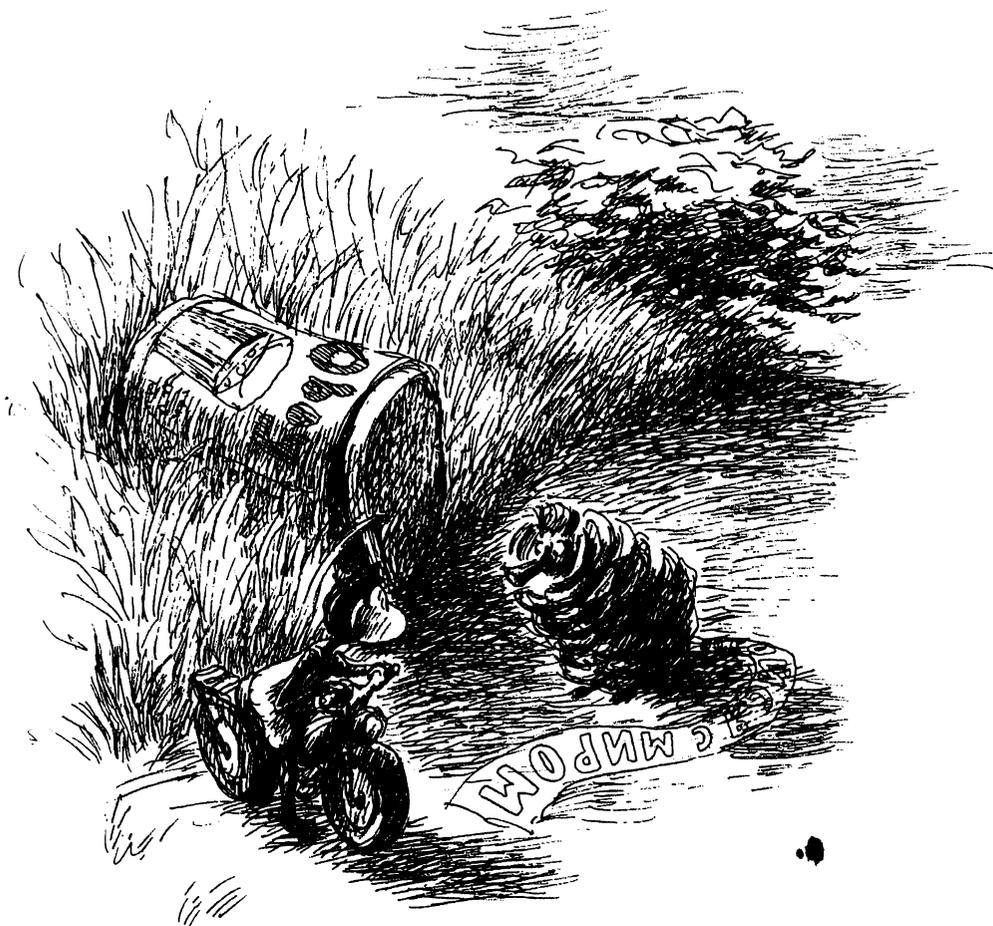
– Совсем недавно. А потом я ещё какое-то время катился, пока не врезался в твою банку. Да посмотри сам: видишь, у меня есть чешуйки.

Мак подъехал поближе и внимательно осмотрел огромную шишку:

– Отпад! Только, старик, чешуйки у тебя какие-то не такие!

– Может, это потому, что на венке я был окружён лилиями и лавровыми листьями, – скромно пояснил Траурсен.

– Интересуешься тачками?

– Тачками?

– Ну, байками... мотоциклами...

– Не очень... – промямлил неуверенно Траурсен.

– Хочешь вступить в Союз Дерзких Гонщиков?

Траурсен покачал головой.

– Так чем же ты тогда интересуешься?

– Ну пожалуй, похоронами... – признался Траурсен, помолчав немного. – Можно, я поживу тут с тобой? – спросил он с робкой надеждой, заглянув в банку к Маку.

– Ни за что на свете! – поспешил ответить Мак. – Ещё поцарапаешь байк.

Траурсен расплакался:

– Бедный я, бедный! Один-одинёшенек на всём белом свете! Совсем позаброшенный! Умоляю тебя, резиновая обезьяна!

Мак смутился. А Траурсен продолжал реветь в три ручья.

– Послушай, знаешь что – поживи-ка ты лучше в коробке у Рыжего. Он тоже интересуется похоронами. Прыгай на мотоцикл – и погнались!

Слёзы у Траурсена мигом высохли. С неожиданной ловкостью он запрыгнул на мотоцикл. И они с рёвом понеслись вперёд.

Рыжий уже наполовину вылез из коробки, когда к Картонной школе прикатили гости.

Пёс вежливо поздоровался с Траурсеном и удивился, какой тот большой – для шишки, конечно.

– Да ты полюбуйся на его чешуйки! – сказал Мак.

– Невероятно! – пробормотал Рыжий и в надежде найти похожий экземпляр принялся листать книгу «Журавли и цапли», но напрасно. – Надо же, ему нравятся похороны! Говоришь, он с траурного венка?

Пёс выбрался из коробки, радушно обнял огромную шишку и пригласил к себе в гости. А Мак тем временем поспешил улизнуть.

Траурсен робко огляделся в Картонной школе.

Таких жёваных учебников он в жизни не видывал. Впрочем, сам он никогда в школе не учился.

– Умеет ли господин Траурсен читать? – поинтересовался Рыжий.

– Только надписи на лентах. Тех, что на венках, – ответил Траурсен.

– Что ж, не так плохо, – похвалил Рыжий. – А не интересуетесь ли вы палками?

– Не особо.

Пёс вздохнул:

– А ямами?

– Могилами, что ли?

– Ну, возможно.

Траурсен заметно оживился:

– Больше всего на свете!

Рыжий снова обнял гостя. Траурсен задремал от счастья и, окрылённый успехом, прошептал:

– Могу я пожить у вас в коробке? У меня нет дома, я один-одинёшенек на всём белом свете.

Рыжий задумался. Нет, так не годится, коробка слишком тесная, он и сам-то в ней едва уместается. К тому же Рыжий привык спать один.

Траурсен снова затрясся от рыданий.

Но погоди-ка! У Рыжего есть один знакомый ондатр, вот у него Траурсен мог бы пожить, если только протиснется в узкую нору. И пёс повёл новенького к своему другу.

Тот затеял уборку у себя в домике и, когда они пришли, как раз вытряхивал кукольное одеяло.

– Позвольте вас познакомить: Траурсен – Ондатр, – церемонно произнёс Рыжий.

Ондатр посмотрел на гостя, и в глазах его блеснула надежда:

– Простите, вы случайно не из России?

– Нет, он к нам с похорон, – поспешил объяснить Рыжий. – Красовался на траурном венке.

– Как мило. Добро пожаловать!

– Но потом меня выбросили, – вздохнул Траурсен, а Рыжий подытожил:

– И вы угодили прямо в банку Мака...

– Какой красивой лентой вы опоясаны, господин Траурсен! Что на ней написано? – поинтересовался Ондатр.

– Не знаю. К сожалению, я не могу повернуть голову.

Рыжий и Ондатр с трудом разобрали буквы и прочитали:

– П-О-К-О-Й-С-Я С М-И-Р-О-М!

Красиво, почти как стихи.

Потом Ондатр сложил одеяло и уполз к себе в нору.

– Постой! – крикнул Рыжий. – Траурсен спрашивает, можно ли ему пожить у тебя. Он один в целом свете, и у него нет дома.

– А у кого он есть? – пробормотал Ондатр. – В России я жил с двадцатью восемью родственниками на берегу Днепра...

– У тебя же есть дом, есть нора! – перебил друга Рыжий, пока тот не разнюнился.

– Ну, входите, входите, пожалуйста, – пригласил гостя Ондатр.

Траурсен попробовал было протиснуться в нору, но застрял, словно в тисках. Им

с трудом удалось освободить его. Но дома он так и не обрёл.

Ондатр продолжил утреннюю уборку, а Рыжий и Траурсен поплелись дальше.

Тут Рыжего осенило: шишечный загон! Вот где мог бы пожить Траурсен. Он же предназначен для шишек – не важно, какого размера!

И они припустили к загону. При виде огромного Траурсена еловые шишки в ужасе забились в угол.

– У них мозги совсем крошечные. Они ничего не соображают, – шёпотом объяснил Рыжий.

Траурсен коротко представился окаменевшим от страха шишкам.

— Ну-ка скажите, как вас зовут, — подбодрил Рыжий перепуганных шишек.

— Нас зовут... Нас никак не зовут... Никто нас никак не называл.

— Что я говорил? — прошептал пёс. — У них мозги не больше чешуйки.

Пока Траурсен обустроивался в загоне, Рыжий попробовал втолковать еловым шишкам, что новичок — шишка пинии. Но что они уяснили из его объяснения, сказать трудно. Во всяком случае, псу удалось немного успокоить их. С тем он и поплёлся домой.

Картонная школа какое-то время стояла закрытая, но теперь снова была готова принять учеников. Свежевылизанные школьные книги блестели чистотой. Одна беда: за это время всем расхотелось ходить в школу и изучать собачьи премудрости. Ни Дядьмедведь, ни Птенчонок, да и вообще никто не желал учиться бегать за палками и красиво сидеть.

Пока Рыжий поджидал учеников, прикатил на коляске Мальчик с верещащим Птенчком.

– Рыжий, смотри, что я нашёл! – крикнул Мальчик и гордо поднял вверх Траурсена.

– Я его первый нашёл, – буркнул пёс.

Вид у Траурсена был отнюдь не радостный. Только он немножко прижился среди распотрошённых еловых шишек, как его схватили и кинули в игрушечную коляску. И вот, пожалуйста, он снова бездомный!

Рыжий коротко пересказал Мальчику печальную историю Траурсена, пока тот, всхлипывая, ждал своей участи.

– Я его после верну, поиграю немного и положу назад, – пообещал Мальчик.

– Он не из тех, с кем играют, он похоронный, – сказал Рыжий.

Траурсен с благодарностью посмотрел на старого пса.

– Давайте тогда сыграем в похороны!

Врасшатаанных глазах Рыжего блеснул интерес. Но сперва ему надо закопать две палочки, а уж потом игры.

– Как-нибудь в другой раз, может, на *канигулах*, – сказал он. – Там видно будет.

Так что Траурсена вернули в его новый дом. Еловые шишки уже успели про него позабыть и снова до смерти перепугались.

Никто не видел дом Дядьмедведя. Кроме Рыжего. Но это было давно, и тот уже ничего не помнил. Впрочем, хорошенько порывшись в памяти, он вспомнил маленькое коричневое дядьпальто, висевшее на суку где-то в лесу. Рядом с этим пальто Дядьмедведь внезапно исчез в какой-то норе или, может, за какой-то дверью – и был таков.

Дома у Дядьмедведя наверняка царит порядок, ведь он страшный педант. И ни за

что бы не допустил у себя никакой суеты и беготни, потому что от крика и топота у него начинает болеть голова. Да и вообще Дядьмедведь не слишком жалуется мелким зверушек.

Но сегодня Дядьмедведь вместе с граммофоном отправился к Рыжему, чтобы насладиться музыкой Медведельсона и провести собрание ДЧМЖ – изысканного общества, которое состояло всего из трёх членов: Рыжего, Ондатра и самого Дядьмедведя.

Проходя мимо шишечного загона, он заметил какую-то диковинную шишку, которая

там нервно расхаживала, но не стал останавливаться, а поспешил дальше.

Рыжий сидел перед коробкой, держа в пасти две палки, и поджидал учеников. Тут притопал Дядьмедведь со своим граммофоном.

– ДЧМЖ, дорогой брат! – поздоровался он и брезгливо покосился на палки.

– ДЧМЖ, – отозвался Рыжий и, смутившись, выпустил палки из пасти.

Дядьмедведь открыл граммофон и разложил на траве свои бумаги.

– Значит, так, брат, – начал Дядьмедведь, пытаясь поймать взгляд расшатанных собачьих

глаз. – Самым важным и главным остаётся вопрос: для чего мы живём? ДЧМЖ.

Рыжий наморщил лоб. В это время дня ему тяжело давались всякие глубокомысленные размышления, да, пожалуй, и в другое время тоже.

– А ты, брат, видел уже большую шишку? – осторожно поинтересовался пёс.

– Прости, что ты спросил?

– Шишку пинии с траурного венка видел? Его зовут Траурсен. Он там, в шишечном загоне.

– Да... пожалуй, там кто-то и вправду метался. Но как он там очутился?

– Его к нам забросили. Раньше он красовался на траурном венке, – пустился в объяснения Рыжий, пытаясь незаметно засунуть бумаги ДЧМЖ под коробку – с глаз долой.

– А этот Траурсен интересуется культурой?

– Да... он интересуется большими ямами – для похорон.

Дядьмедведь снисходительно кивнул.

– Общается ли он с еловыми шишками?

– Ну, не знаю. У них, кажется, мало общего.

Дядьмедведь хмыкнул. Всё-таки этот здоровила Траурсен вряд ли годится в члены их общества.

— Не пора ли нам насладиться музыкой Медведельсона? — спросил Дядьмедведь и принялся заводить граммофон.

— О нет! — запротестовал Рыжий. — У меня совсем нет времени! Дел невпроворот! Мои ученики...

— Что-то твоих ученичков не видно, — ехидно заметил Дядьмедведь.

– Мне надо ещё зарыть две палки.

– Зарыть две палки! Прости, дорогой брат, но разве это достойное занятие для пожилого образованного пса? Так у тебя мозги скукожатся.

Бедный Рыжий совсем сник. Ему захотелось сделаться невидимым. Он сел, понурившись, перед своей коробкой и приготовился страдать. Несколько часов кряду. Дядьмедведь обычно не спускал с него глаз, чтобы он не заснул. Но на этот раз псу повезло.

Не прошло и нескольких минут, как примчался Мальчик. Он выпрыгнул из коляски прямо у ног Дядьмедведя. Тот поспешно собрал свои бумаги и захлопнул граммофон.

– Не уходи! Сейчас повесим почтовый ящик! – остановил его Мальчик.

Но Дядьмедведь всё равно ушёл.

– Вернусь вечером и тогда дослушаем, – пообещал он и поковылял прочь.

От этих слов Рыжий слегка приуныл, но быстро воспрял духом, когда Мальчик вынул из коляски почтовый ящик.

– Нужная вещь: вдруг письмо придёт, – объяснил он.

Рыжий обрадовался:

– Что, правда придёт письмо?

– Может быть, – загадочно ответил Мальчик, взял гвоздь и молоток и крепко прибил ящик к дереву возле коробки.

– А когда оно придёт? – допытывался Рыжий.

Мальчик на минуту задумался:

– Может, завтра.

– Ого!

Птенчонок принялся запрыгивать и выпрыгивать из почтового ящика – это он так играл, будто он и есть письмо.

– Эй, кто-нибудь проштемпелюйте меня! – кричал он. – И адрес на мне напишите!

Но Рыжий считал, что почтовый ящик – не игрушка.

– Урок начнётся через три минуты, – строго объявил он.

Птенчонка как ветром сдуло. И Мальчика тоже. Так что пёс смог спокойно закопать свои палки.

На обратном пути, проходя мимо шишечного загона, Дядьмедведь хорошенько рассмотрел Траурсена. Тот лежал на спине и мечтательно наблюдал за проплывавшими в небе облаками.

– Хм, день добрый! – поздоровался Дядьмедведь.

Траурсен подскочил:

– Добрый день.

– Позвольте представиться: Дядьмедведь, – сказал Дядьмедведь.

– Траурсен, – пробормотал застигнутый врасплох Траурсен.

И снова повисло молчание.

– Интересуетесь ли вы музыкой?

– Смотря какой.

– Например, музыкой Медведельсона, – пояснил Дядьмедведь и испытующе посмотрел на новенького.

– Ах, его траурный марш такой невыразимо печальный!

Дядьмедведь ушам своим не поверил. Какая музыкальная шишка! Даже знает марш Медведельсона! Просто не верится.

– Я слышал, что вы когда-то украшали траурный венок, – сказал Дядьмедведь, чтобы поддержать разговор.

– Да, верно, – кивнул Траурсен. – Но меня сорвали и забросили сюда.

Еловые шишки, которые всё это время стояли, сбившись в углу загона, осторожно приблизились.

– Господа, разве мы с вами знакомы? – высокомерно поинтересовался Дядьмедведь.

– Господа? – удивлённо переглянулись еловые шишки. – Никаких господ мы не видели. Мы тут просто гуляем и прыгаем...

– Ну, вряд ли господин Траурсен рад этому, верно? – сказал Дядьмедведь.

– Что правда, то правда, похоронным служащим не до прыжков, – подтвердил Траурсен.

– Вам пристало более благородное общество, – заявил Дядьмедведь, неодобрительно поглядывая на еловые шишки. – Вам бы тихое и спокойное место, где никто не будет прыгать.

Он погрузился в размышления. Траурсен вежливо ждал.

– Возможно, вам подошла бы сосна старушки Элефанты, – проговорил Дядьмедведь, словно разговаривая сам с собой. – Если господин Траурсен соблаговолит проследовать за мной, полагаю, мы решим ваш жилищный вопрос.

Они отправились в путь и скоро пришли к сосне Элефанты. Слониха дремала на нижней ветке, её хобот слегка покачивался на ветру.

– У бедняжки склероз, она почти ничего не помнит, – пробормотал Дядьмедведь. – Но в молодости она была чудо как хороша!

Траурсен как замороженный следил за хоботом Элефанты. Казалось, что тот вот-вот отвалится. На земле под слонихой он заметил кучу шишечных чешуек, сосновых иголок и ореховых скорлупок.

— Вбила себе в голову, что она белка, вот и собирает всякую всячину, — шёпотом объяснил Дядьмедведь. И громко возвестил: —

Элефанта, к тебе пришёл твой старый школьный приятель Дядьмедведь!

Слониха медленно открыла глаза:

– Кто-кто?

– Дядьмедведь, твой школьный товарищ.

– Ах вот как...

– Позвольте представиться: Траурсен, – сказал Траурсен, низко кланаясь.

– Какая прелесть! Можно я вас отшелушу?

– Нет-нет, это шишка-великан. Не какая-то там заурядная еловая. Он попал к нам с траурного венка, – объяснил Дядьмедведь. – А теперь хочет остаться и жить здесь с тобой...

– Вот как?

– Вот так.

Впрочем, Элефанта не возражала.

– Можете заселяться, – сказал Дядьмедведь Траурсену, который всё ещё стоял в нерешительности. Потом шёпотом посоветовал: – Лучше выбрать местечко повыше: уж больно из старухи опилки сыплются.

Траурсен неуверенно вскарабкался в своё новое жилище и расположился на ветке. Он чувствовал себя как дома: сосновые иголки

почти не кололись, а в стволе обнаружилось дупло – в самый раз для кладовой.

– Ну, я пошёл, – сказал Дядьмедведь, поднимая граммофон.

– Спасибо! – крикнул ему вслед Траурсен.

А Элефанта на ветке тем временем снова уснула.

Первую ночь в новом доме Траурсен спал плохо. Ему снилось, будто он ореховая скорлупка в бурном море. От этого он то и дело скатывался с ветки и падал на землю. Он не привык жить на ветке. В прошлой жизни Траурсен плотно сидел на месте и забот не знал. Когда он упал в седьмой раз, Элефанта свалилась следом. Слонихе приснилась её молодость: будто она играет сказочно прекрасную Офелию в «Птицгамлете». Элефанта-Офелия как раз собралась топиться, когда на неё упал Траурсен, чему она очень удивилась, раньше она падала одна сама по себе.

– О дорогой Птицгамлет, умрём вместе! – воскликнула Элефанта и поцеловала шишку.

Траурсен опешил. Никогда прежде никто его не целовал, тем более слониха с по-

луоторванным хоботом. Он попытался объяснить ей положение вещей и попробовал затолкать обратно на ветку, но Элефанта вцепилась в него мёртвой хваткой и продолжала называть Птицгамлетом.

В конце концов оба, совершенно обессиленные, уснули бок о бок на куче старой хвои и ореховой скорлупы.

А ночь всё продолжалась.

На занятия в Картонную школу никто не явился. Поскольку палки давно были надёжно спрятаны, а три школьные книги «Журавли и цапли», «Одинокый всадник Бьюкенен» и «Внутренняя политика Китая» свежевывлизаны и блистали чистотой, Рыжий решил отправиться на поиски учеников. Но легче сказать, чем сделать: все словно сквозь землю провалились.

Наконец Рыжий заметил на мху следы от коляски Мальчика. Однако нюх у старого пса был уже не тот, он не смог определить, в какую сторону уехал Мальчик, и стал бегать туда-сюда. В кармане дядькофты у Рыжего были припасены маленькие листочки с заданиями для учеников – на случай, если он их найдёт. Но даже в песочной яме, где почти всегда кто-нибудь да копошился, на этот раз никого не оказалось. От нечего

делать Рыжий вырыл ещё одну ямку и положил туда камень, а потом пошёл дальше.

Вдруг на берегу реки он заметил игрушечную коляску, а возле неё – Мальчика и Мака. Они сидели и смотрели на воду.

Рыжий присел рядом и многозначительно пошуршал своими листочками.

– Я пришёл... Я пришёл, чтобы... Что вы тут делаете?

– А ты как думаешь? Ждём, – ответил Мак.

– Когда что-нибудь начнётся, – добавил Мальчик.

– Я тут тебе, Мак, задание принёс, – проговорил Рыжий и вынул бумажку из кармана.

– Отстань, видишь, я занят, – прошипел Мак, не сводя глаз с реки.

– Тогда, может, Мальчик... – не сдавался Рыжий.

– Детям уроков не задают!

Рыжий опустил уши и сунул листок в карман.

– А что должно случиться?

– Неизвестно.

– А где маленький Птенчонок?

– Ушёл. Захотел и ушёл, – буркнул Мальчик.

Рыжий вздохнул.

Они долго сидели и ждали, но никто не появился.

– Как-то раз приплыл Пробка Бах, – вспомнил Рыжий.

Мак хмыкнул.

– Он же был совсем чокнутый! Нет, таких мы не ждём.

Тут они заметили на поверхности воды какие-то пузырьки.

— Смотрите, там на дне наверняка кто-то есть! Надо проверить, — крикнул Мак, ринулся в реку и сразу же скрылся под водой. Пузырьков на поверхности стало больше. Но Мальчик и Рыжий не волновались: обезьяна резиновая, так что наверняка рано или поздно всплывёт.

Мак в самом деле вдруг выскочил из воды словно торпеда.

– Ёлки-моталки! Знаете, кто там на дне? Кругляшка! – крикнул он с выпученными от удивления глазами.

Все ахнули: Кругляшка! Да она же в реку свалилась! Давным-давно, когда они плавали на плоту. И с тех пор о ней и думать забыли. Радовались, что не слышат больше её ужасного смеха.

– Может, достанем её? – спросил Мальчик.

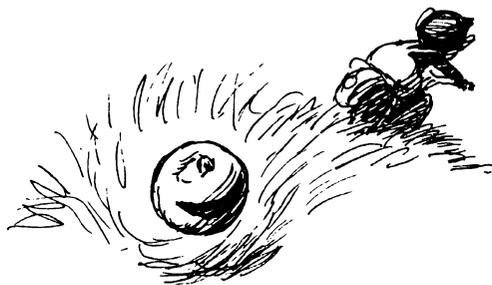
– Не надо! – запротестовал Мак. – А то снова начнёт меня преследовать.

На воде появилось ещё одно облачко пузырьков.

– Она же просто камушек, что с неё взять? – рассудительно пробормотал Рыжий. – Камень есть камень.

Мальчик пошёл на попятный. Он сам не раз зашвыривал Кругляшку куда-нибудь подальше и считал, что так ей и надо. Но так далеко её никогда прежде не забрасывали.

Мальчик всё же решил спасти её и вошёл в реку. Он опустил руку в воду, откуда шли пузырьки, схватил каменный шарик и выкинул на берег.

Спасённая Кругляшка с жутким хохотом радостно покати́лась по траве. Смахнув воду с единственного глаза, она сразу же заметила Мака и издала дикий вопль. Мак не стал терять времени даром, помчался напрямиком в свою банку и заперся там.

Когда Кругляшка, вдоволь нахохотавшись, немного успокоилась, Рыжий подступил к ней со своими уроками. Но тут она почувствовала себя страшно усталой, закатилась в какую-то ямку и закрыла глаз. Мальчик накрыл её пучком травы, а потом вместе с Рыжим отправился в Картонную школу. В кармане у него было непривычно пусто и стыло. Поскорей бы, что ли, Птенчонок вернулся, подумал Мальчик.

— Может, поиграем? — предложил он Рыжему.

Но старый пёс давно позабыл, как играют. К тому же ему надо было привести в порядок свои листочки: по дороге домой он немного повалялся в траве, и они смялись. Вдобавок настало время большой перемены и дневного сна.

– Сладких снов, – сказал Рыжий, забираясь в свою коробку.

Мальчик вдруг остался один-одинёшенек. И приуныл.

От одиночества можно даже заболеть. А от болезни бывает сыпь...

– Где же ты?! – сердито крикнул Мальчик.

– Я тут! – слышался слабый голосок.

– Где?

– В почтовом ящике.

И правда, там что-то лежало. Пожалуй, слишком мягкое для письма. Да это же Птенчонок!

– Ты заметил, что я пропал? – пискнул Птенчонок, укладываясь поудобнее в полном песка кармане Мальчика. – Это ондатр меня сюда положил. Ещё и написал на мне что-то, вот гляди!

Мальчик внимательно осмотрел Птенчонка. В самом деле на нём были какие-то каракули, но разобрать их он не мог.

— Что здесь написано? — спросил Птенчонок.

— Написано: БУДУ В ЧЕТВЕРГ.

— Так и написано? — удивлённо переспросил Птенчонок.

— Да, — подтвердил Мальчик и снова сунул его в карман.

Следующий день был четверг. Что-что, а четверги у них случались постоянно. Пятница же – в виде исключения, а среда почти никогда.

Элефанта, похоже, обрадовалась появлению Траурсена: теперь они могли падать с дерева вместе.

А вот у Ондатра дела были плохи. В этот четверг он подхватил депрессию и теперь лежал на кукольном одеяле и грустно смотрел в пустоту перед собой. Депрессия напала на него, когда он совершал утренний променад. Всё сразу показалось ему жутко печальным, от вида сосновых иголок и всяких там палочек на душе у него становилось тоскливо.

«Неужели мне так и суждено до конца жизни бродить среди старых иголок и палок, в то время как мои родственники в России

играют на балалайках и танцуют казацкие танцы? ДЧМЖ?» – размышлял он. Но не смог найти ответа – поплёлся к себе в нору, свернулся калачиком на одеяле и попытался забыть о горькой земной юдоли.

Только ему удалось на миг отвлечься от своих печалей, как в нору просунул нос Дядьмедведь.

– ДЧМЖ, любезный Ондатр, – поздоровался он.

– Да, это вопрос, – всхлипнул Ондатр.

Но Дядьмедведь не позволял себе уныния.

– О, для многого! – воскликнул он. – Для Медведельсона и Птицгамлета, для злоключений и...

Ондатр тяжело вздохнул.

– Для уроков, – продолжал перечислять Дядьмедведь.

Ондатр вздрогнул. Дядьмедведь достал из граммофона какой-то смятый листок и сунул его под нос Ондатру. Сверху почерком Рыжего было написано:

Мой день

А ниже изящными завитушками Дядьмедведя продолжено:

проснулся
Пил дядьмедвежий кофе
Слушал музыку Медведельсона
Размышлял о жизни
Ушёл из дома
Возвратился
Просматривал бумаги
Размышлял о...
Пил дядьмедвежий кофе
Дядьмедведь

Ондатр читал строчку за строчкой, и депрессия постепенно отступала. Он осмотрелся в своей норе и заметил на полу мятый листок.

Сверху знакомым почерком Рыжего было выведено:

Мой день

— Ага, я тоже получил домашнее задание! — обрадовался Ондатр и достал маленькую ручку.

Дядьмедведь пожелал ему удачи и пошёл дальше.

Ондатр уселся на одеяло, задумался, а потом написал:

ПРОСНУЛСЯ
ВЫТЯС
ОДЕЯЛО
СЪЕЛ ОРЕХ

После этого он так устал, что пришлось лечь отдохнуть. Никогда раньше Ондатр не писал столько сразу. Чтобы сочинить ко-

ротенькое стихотворение: «ТИХО ТИКАЮТ ЧАСЫ...» ему потребовалось три дня. А на «ОХ, САД, ТЫ МОЙ САД» – целых пять!

Вскоре выяснилось, что не только Ондатр и Дядьмедведь получили домашнее задание. Вот и Мак, выкатив в четверг утром из своей банки, наехал на страшно мятую бумажку с какими-то странными номерами.

«М», «Д» и «Г» он уже знал – они были прописаны в Союзе Дерзких Гонщиков Мака, но все прочие были ему неизвестны.

Мак решил съездить к Рыжему и спросить. К несчастью, не успел он завести мотор, как услышал жуткий смех, и Кругляшка заскочила к нему на багажник.

– Ох, Мак, какой ты красавчик! Можно с тобой прокатиться? – заверещала она.

– Если будешь держать этот листок, – хмуро ответил Мак.

«Держать какую-то бумажку? Да, она бы с радостью, если бы руки были».

– Тогда держи во рту, – коротко велел Мак.

И сам себя мысленно похвалил: надо же, какой он смышлёный! С бумажкой во рту Кругляшка не сможет ни болтать, ни хохотать.

А в Картонной школе уроки шли полным ходом. Там, склонившись над заданием, сидели Дядьмедведь и Рыжий. Пёс пытался разобрать изящные завитушки, начертанные Дядьмедведем.

Когда Мак притормозил у коробки, Дядьмедведь скривился, словно от боли. Он сразу встал и собрался уходить. Кругляшка ласточкой спрыгнула на траву. Дядьмедведь отпрянул.

— Дорогой друг, я полагал, что Кругляшка давным-давно предана земле.

— Камни так просто не умирают, — виновато пробормотал Рыжий.

Кругляшка выплюнула листок и зашлась жутким смехом.

Дядьмедведь, вздохнув, удалился за коробку.

– Что это за бумажка такая? – спросил Мак.

– Домашнее задание, – коротко ответил Рыжий.

– А нумера что значат?

– Это буквы. Здесь написано: мой день.

– Ты же знаешь, что я выучил только «М», «Д» и «Г», – сердито напомнил Мак.

Из-за коробки послышались вздохи Дядьмедведя.

Кругляшка так кричала и бушевала, что едва не сорвала урок. Заставить её написать хоть что-нибудь было невозможно. В конце концов Мак схватил свой листок и укатил злой как чёрт. Он направился к сосне Элефанты. Траурсен тихо-мирно отдыхал после обеда, не подозревая о мировых битвах и уроках. Слониха тоже спала. Всё дышало покоем и гармонией. Хобот слонихи и лента шишки слегка покачивались на ветру.

«Вот и отлично! – подумал Мак. – Когда не знаешь номеров, можно и списать».

Он достал мел, внимательно изучил надпись на траурной ленте и вывел под аккуратной строчкой Рыжего:

Мой день

ПОКОЙСЯ

С МИРОМ

СДГМ

А затем радостно покатил назад. Закинул листок в картонную коробку и скрылся в облаке пыли.

А четверг всё продолжался. Птенчонок сидел в почтовом ящике и ждал. Он уже очень долго сидел совершенно всеми забытый. Снаружи до него долетали разные звуки: шелестела бумага, проехал Мак, зашлась жутким оглушительным смехом Кругляшка. Но вот над землёй Мальчика снова воцарились тишина и покой. Кругляшка уснула где-то в ямке, Дядьмедведь задремал за коробкой.

А перед Картонной школой, борясь со сном, сидел Рыжий и проверял домашнее задание Мака. Тот старательно вывел все буквы, вот только разобрать их было трудно, потому что левый глаз Рыжего шатался больше обычного. Строчка «ПОКОЙСЯ С МИРОМ» показалась псу знакомой, но он не смог вспомнить, при каких обстоятельствах уже встречал эти слова. На всякий

случай Рыжий приклеил на листок золотую звёздочку и сунул бумажку за «Внутреннюю политику Китая».

Тут в траве кто-то робко зашуршал. Это пришёл Ондатр. Он торжественно вручил Рыжему листок. Пёс был доволен: ловко он придумал с этими домашними заданиями. Только еловые шишки с ним не справились: они ничего не поняли и просто завернулись в найденные бумажки.

Работа Ондатра оказалась выше всяких похвал. Увидев россыпь букв, раскачивавшихся перед его взором, Рыжий поспешил прилепить золотую звёздочку и сунул листок за «Внутреннюю политику».

Ондатр надулся. Он-то надеялся, что они углубятся в текст, в который он вложил всю душу. Но у Рыжего не было на это времени: глаза у него вконец расшатались – того гляди, выпадут. К счастью, прежде чем Ондатр вновь погрузился в депрессию, за коробкой, проснувшись, зашевелился Дядьмедведь.

– Ага, господин Ондатр! – приветствовал он друга. – ДЧМЖ!

– ДЧМЖ, – нехотя ответил Ондатр.

– Чему обязаны такой чести?

– Он принёс домашнее задание, – поспешил объяснить Рыжий.

– А ну-ка я посмотрю!

Дядьмедведь схватил листок с заданием, торчавший из-за «Внутренней политики Китая», и прочёл:

ПРОСНУЛСЯ
ВЫТРАС
ОДЕЯЛО
СЪЕЛ ОРЕХ

– А больше господин Ондатр ничем не занимался?

– Что-то не припомню, – прошептал Ондатр.

– Не пил дядькофе?

Ондатр покачал головой.

– Не слушал Медведельсона?

– Не-е-ет.

– А может быть, вы размышляли о чём-нибудь?

– Да-а.

– О чём же?

– О России...

– Ох! – воскликнул Дядьмедведь раздражённо. – Всё, что угодно, – только не это!

– Ещё о... ЗЛОКЛЮЧЕНИЯХ, – промямлил Ондатр.

– Отлично! Очень хорошо! – потёр лапы Дядьмедведь.

Ондатр был смущён своим неожиданным успехом.

– Вот и напишите об этом! – воскликнул Дядьмедведь.

– Не могу, – вздохнул Ондатр. – У меня депрессия.

– Вы, наверное, переутомились, – предположил Дядьмедведь и сам приписал за Ондатра:

Думал
о злочлочениях

A handwritten signature in cursive script, followed by a large, decorative scribble consisting of several overlapping loops and lines.

Потом сунул бумагу обратно. Но тут он заметил за «Внутренней политикой Китая» листок Мака и застыл как громом поражённый.

– Что я вижу! Резиновая обезьяна списала домашнее задание! И за это получила золотую звезду! Объясните, как такое может быть, любезный брат Рыжий?

Пёс покраснел. Как жаль, что именно сегодня у него так расшатались глаза.

– Мне показалось... что его можно одобрить.

– Одобрить! – возмутился Дядьмедведь. – **ПОКОЙСЯ С МИРОМ!** Он же списал это у той здоровенной шишки! Какое жульничество!

Рыжий смущённо смотрел то на одного, то на другого:

– Я думал... думал... это он про свой день так написал... что он провёл его в мире и покое.

– Резиновая обезьяна покоится с миром! Хотел бы я на это посмотреть! – в ярости выкрикнул Дядьмедведь.

Бедняга Рыжий уже пожалел о том, что придумал такое задание.

И тут Птенчонок, который весь день тихо пролежал в почтовом ящике, ожидая, когда его найдут, вдруг закричал:

– Выньте меня отсюда! Достаньте меня наконец!

– Ну это я тебе припомню, брат! – прошипел Дядьмедведь и поспешил прочь.

А Ондатр тем временем извлёк Птенчонка и очень обрадовался, получив весточку от самого себя: БУДУ В ЧЕТВЕРГ.

Это уж точно не назовёшь жульничеством, ведь Птенчонок и правда появился из почтового ящика в четверг.

Траурсену пришёлся по нраву его новый дом. У них с Элефантой оказалось много общего. Они всё чаще вместе падали с сосны по ночам, а днём Траурсен помогал слонихе спускаться и подниматься. А ещё сортировал для неё сосновые иголки и ореховые скорлупки, раскладывая красивыми кучками под их деревом. У себя в кладовой он хранил разные семена и прочие жизненно важные припасы.

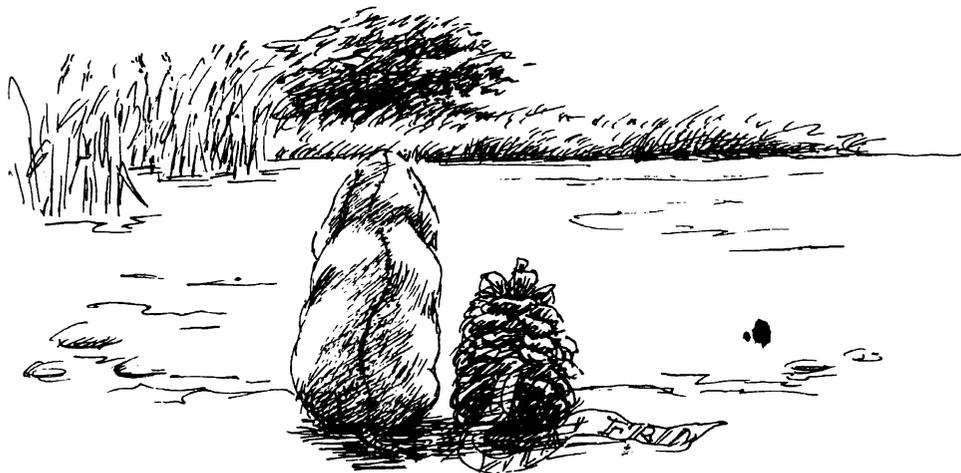
Иногда они, неуверенно ступая, совершали прогулки по окрестностям. Элефанта любила сидеть на берегу Чёрного моря, глядя на набегающие волны. Старая слониха всё забывала, так что каждая прогулка становилась для неё настоящим приключением.

По неведомой причине Траурсен любил природу, хотя в прежней жизни не видел ничего, кроме венка и могил. На закате

он обычно приходил к одному из морей, чтобы полюбоваться розовеющим небом, и возвращался домой лишь тогда, когда солнце, словно раскалённый шар, опускалось в воду.

Но, когда после одного такого восхитительного заката вдруг появился Рыжий со своим домашним заданием, Траурсен выслушал его с недоумением. Разве можно требовать от шишки пинии, чтобы та умела писать? Ведь всю свою сознательную жизнь Траурсен просидел прищипленный к похоронному венку!

Рыжий долго и обстоятельно растолковывал Траурсену, в чём смысл задания.

И в конце концов под его диктовку собственноручно записал:

Мой день
Спал
Был заброшен
Угодил в банку
Тронулся

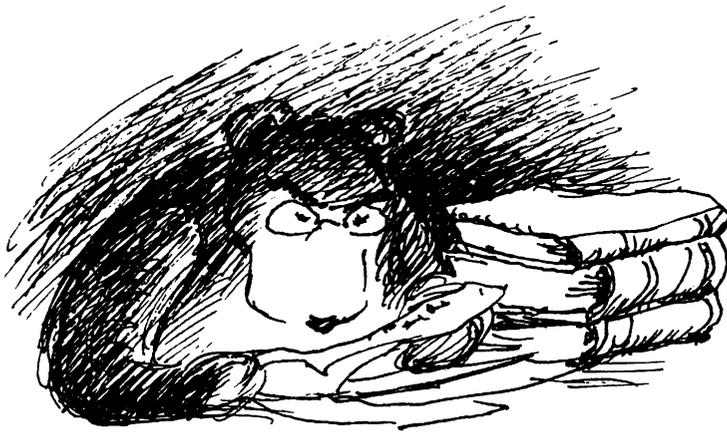
А ниже Траурсен уже вывел сам:

ПОКОЙСЯ
С МИРОМ!

После такого перенапряжения интерес Рыжего к домашним заданиям окончательно иссяк. Обитатели Земли Мальчика могли спокойно вздохнуть.

У Дядьмедведя появилось новое увлечение. Он заинтересовался своей родословной. Теперь, на закате жизни, ему хотелось узнать о своих корнях. Откуда он и какие достойные родственники были в его роду? Вот бы нашлись среди его сородичей король или хотя бы директор! Тогда бы он всех заткнул за пояс: смотрите, мол, какие у меня важные родственнички, не чета вашим!

Дядьмедведь сидел, погружённый в свои мысли, и перебирал бумаги, пытаясь забыть о гадкой резиновой обезьяне, списавшей чужое задание. В изучении своей родословной он продвинулся пока не так далеко, но с возмущением обнаружил, что по материнской линии несколько поколений назад у него в роду были хлопотливые крольчата, а по отцовской — соловей-разбойник.

Однако Дядьмедведь не отчаивался и продолжал изыскания в надежде на лучшее.

Новость о том, что Кругляшка спасена, обошла никого. Кругляшка отлично отдохнула в песке и теперь непрестанно раскатывала по окрестностям. Её жуткий смех разносился повсюду и днём и ночью.

Три дня она словно одержимая преследовала Мака. Кричала, что они должны обручиться. Но Мак так ни разу и не остановился, и любовь её осталась безответной.

Тогда она принялась звать Пробку Баха – пробку от шампанского. Когда-то он был её женихом, но его унесло бурное течение реки Эмон. То, что этот Бах был без царя в го-

лове, Кругляшку не смущало. Уж лучше с прибабахнутым, чем одной, – рассуждала она.

И тогда все стали мечтать о возвращении Пробки Баха: может, хоть это заставит Кругляшку замолчать. Рыжий случайно откопал в песке какую-то пробку, но та оказалась пробка пробкой – лежала молча и тарацилась на всех и вся. Когда несколько дней спустя пёс ещё раз совершил осмотр песочной ямы, она всё по-прежнему лежала там, уставясь в одну точку. Тогда он решил её закопать. Таков печальный конец.

А Кругляшка продолжала хохотать и терроризировать всю округу. Рано или поздно они наверняка снова швырнут её в воду. Это лишь вопрос времени.

Потом зарядил дождь. Он шёл несколько дней. На Земле Мальчика стало тихо и пусто. Все звери спрятались по своим домикам и ждали, когда дождь прекратится.

На сосне Элефанты не осталось ни одной сухой хвоинки. Траурсен, устроившийся на верхней ветке, насквозь промок. И тут

у сосны притормозила Кругляшка и удивлённо уставилась на мокрую шишку.

– Привет! – крикнул Траурсен.

– Привет! – ответила Кругляшка и принялась кататься взад-вперёд, кокетливо подмигивая единственным глазом.

Траурсен смутился: никогда прежде он не видел каменных шариков. Кругляшка тоже не встречала раньше таких больших шишек. Она сразу положила на него глаз и принялась мечтать о том, как заполучит его в женихи.

– Давай сюда! – завопила она.

Траурсен пополз вниз. Пока он спускался, с него ручьём стекала вода.

– Хочешь, покатаемся немножко? – предложила Кругляшка.

– Ну, не знаю... – засомневался Траурсен.

И тут с ветки рухнула Элефанта.

Кругляшка разразилась диким хохотом, а Траурсен в ужасе схватился за голову.

Он попытался взгромоздить промокшую до нитки Элефанту обратно на ветку, а Кругляшка тем временем издавала свои жуткие смешки, пока наконец в рот ей не налилось столько воды, что пришлось умолкнуть.

Когда Траурсен сообразил, что от такой компании надо держаться подальше, было уже поздно: Кругляшка в него влюбилась и решила, что отныне всегда и всюду будет неотступно следовать за ним. *

Дождь всё ещё моросил. Траурсен плёлся за Кругляшкой к Чёрному морю.

– Мак, выходи! – закричала Кругляшка, когда они поравнялись с банкой *O'boy*.

В ответ не раздалось ни звука.

– Мак, выйди полюбуйся на моего нового женишка! – не унималась Кругляшка.

Крышка слегка приоткрылась, и Мак удивлённо уставился на Траурсена.

– Что это с тобой? Ты что так сжался?

Траурсен повернулся, чтобы осмотреть себя.

Удивительное дело: его большие чешуйки сложились, и он стал намного меньше.

— Парень, да ты, видать, съёжился под дождём! — догадался Мак. — Куда подевался твой шикарный причесон?

— Что, правда? — удивился Траурсен.

— Надо тебя высушить, чтобы привести в надлежащий вид, — сказал Мак.

— Эй, женишок, покатили дальше! — позвала Кругляшка.

Траурсен растерянно оглянулся на Мака. Тот сразу смекнул что к чему:

— Давай живо в банку, там просохнешь! Только держись подальше от байка!

Как только Траурсен пролез в банку, Мак быстрее молнии захлопнул крышку. Кругляшка осталась под дождём одна-одинёшенька и снова принялась кататься, жалуясь на свою горькую судьбу.

Настала пора вытряхнуть пыль из Элефанты. Это случалось раз в году. За год слониха успевала так запылиться, что приходилось тщательно выбивать её палками. Она ведь не бегала по округе, продуваемая ветрами, как остальные, а целыми днями спала себе на ветке.

Все радостно шагали к сосне, вооружённые палками разных размеров, а Мальчик прихватил с собой маленькую выбивалку для ковра. Птенчонок верещал впереди всех.

Только Дядьмедведя с ними не было – он избегал подобных мероприятий. Зато Кругляшка была тут как тут, она держала свою палку во рту, и поэтому не могла хохотать.

Удивительно, но, когда они пришли, Элефанта не спала. Слониха успела просохнуть после дождя, и только с рваного хобота ещё слегка капало.

Траурсен страшно испугался, когда они появились. Он сидел, засунув голову в дупло, и не подозревал о приближении выбивальщиков с палками наготове.

– Элефанта! – крикнул Мальчик. – Мы пришли тебя выколотить!

– Ох, спасибо-спасибо! Так мило с вашей стороны! – просияла слониха. Как ни странно, но ей нравилась эта процедура.

– Бери палку и присоединяйся к нам, будешь тоже выколачивать, – велел Мальчик Траурсену, который затаился у своего дупла.

И тут все заметили, что огромная шишка выглядит как-то странно: макушка почернела и сплющилась, а нижние чешуйки теперь торжились во все стороны.

– Что с тобой? – изумился Мальчик.

Траурсен покраснел и попытался вернуться в траурную ленту.

– Чего тут непонятного?! Парень съёжился под дождём! – объяснил Мак. – Такое с панк-шишками случается.

– Но я скоро снова распушусь, – как бы оправдываясь, произнёс Траурсен.

– Да ладно, не парься! И так классно выглядишь! – подбодрил его Мак. – Сверху шишка как шишка, а снизу – панк!

Траурсен с недоумением посмотрел на него, а потом стал покорно спускаться с дерева и даже отломил себе какую-то палочку.

Как только траурная лента размоталась, Кругляшка издала пронзительный смешок и выплюнула свою палку. Рыжий, который

мало что знал о панках, с интересом принялся разглядывать странную шишку:

– Скажи, а чешуйки сжались, когда ты промок?

Траурсен вздохнул:

– Кажется, так.

– А мы сейчас проверим! – оживился Мальчик.

– Давайте окунём его в лужу! – поддержал Мак.

Траурсен сжался на ветке. Они уже готовы были швырнуть его в лужу, но Ондатр, хранивший до поры до времени молчание, вдруг прошептал дрожащим от волнения голосом:

– Оставьте бедную шишку в покое!

Все замерли. Тогда вмешался Рыжий.

– Дорогие мои, мы пришли сюда, чтобы выколотить Элефанту, – напомнил он строго. – Так давайте приступим к делу как полагается. А Птенчонок с Кругляшкой пусть тем временем просто попрыгают.

Рыжий начал считать: раз-два, раз-два, раз-два! Все дружно взялись за дело и колотили без устали.

Пыль поднялась столбом. Элефанта довольно постанывала. Наконец выбивальщики выбились из сил. Пыхтя и отдуваясь, они повалились на мох. Но не под сосной, а чуть поодаль, потому что из слонихи посыпалась труха, которую они после недолгой передышки аккуратно засыпали назад.

Прежде чем отправиться восвояси, Мальчик попросил Траурсена всё-таки немножко помокнуть в луже — окунуться разок-другой и сразу назад. Но тот наотрез отказался. Подпрыгнул на свою ветку и забился в дупло.

— Вы разве не понимаете?! Он же промокнет насквозь, — сочувственно произнёс Ондатр. Уж он-то знал, о чём говорил. Когда-то

он сам проплыл по бессчётным морям и ужасно промок.

Тогда они перестали уговаривать Траурсена и пошли прочь. Только Кругляшка осталась. Она ещё лелеяла надежду добиться у этой диковинной шишки взаимности и время от времени подпрыгивала, чтобы напомнить о себе.

Бедняге Траурсену захотелось забиться в свою кладовую поглубже. Неотступный взгляд Кругляшки начал действовать ему на нервы, но он был слишком вежлив, чтобы попросить её укатить прочь.

К счастью из-за Картонной школы раздался крик:

– Письмо! Письмо!

Кругляшка тут же подхватилась и поспешила туда.

У коробки царило оживление. Выяснилось, что Мальчик по привычке сунул руку в почтовый ящик и обнаружил там... письмо!

Дрожа от нетерпения, он развернул листок. Письмо было коротким:

БУДУ
В ПЯТНИЦУ

Они читали и перечитывали его, прикидывая так и этак, и наконец Ондатр заключил, что на листке и в самом деле написано:

БУДУ
В ПЯТНИЦУ

— Кто? — поинтересовался Мальчик.

Это была тайна, покрытая мраком. Потому что подпись, мягко говоря, выглядела весьма причудливо.

— Это что ещё за банка такая? — недоумевал Мак.

Все принялись гадать.

Ондатр сказал, что рисунок похож на русский кулёчек для орехов, Рыжий — на плохо обглоданную кость. А Мальчик заявил, что это вообще ни на что не похоже.

Но тут прикатила запыхавшаяся Кругляшка и с ходу разгадала загадку.

— Да это же Бах, пробка от шампанского! Мой жених! — обрадовалась она. — Ну наконец-то! Когда он прибудет?

— В пятницу, — коротко ответил Рыжий.

С этими пятницами вечная загвоздка — они случаются невероятно редко. Но когда-нибудь она всё-таки наступит, тогда и придёт этот Пробка Бах. Все с нетерпением стали ждать пятницы: тогда у Кругляшки забот будет полон рот и, может быть, хоть на время она прекратит свой жуткий смех.

Четверги приходили и проходили, а пятница заставляла себя ждать. Дядьмедведь появлялся теперь редко, он с головой погрузился в изучение родословной. К своему ужасу, Дядьмедведь обнаружил, что состоит в отдалённом родстве с той самой резиновой обезьяной, которая вечно вмешивалась в чужие дела. Но он попытался об этом поскорее позабыть и с ещё большим усердием принялся выискивать среди своей родни какого-нибудь дядьмедведя-директора.

Ондатр пребывал в отличном расположении духа, и всё вокруг теперь его радовало. Он обнаружил, что у кротовой норы растут цветочки. Надо же, а во время своей депрессии он их совсем не замечал! И как прекрасны звёзды на ночном небе! Не говоря уже о луне.

Однажды ночью, когда он шёл по берегу и любовался на звёзды, он случайно натолкнулся на Траурсена, который тоже выбрался на прогулку.

Он обрёл свою прежнюю форму, распушился и шёл, наслаждаясь покоем.

– Хочу поблагодарить господина Ондатра за проявленное при нашей последней встрече заступничество, – сказал Траурсен.

– Ну что вы... – смутился Ондатр. – Они вели себя как дети... наши друзья. Я по себе знаю, каково это – промокнуть до нитки.

И Ондатр поведал Траурсену, как некогда сам в далёкой России, склонившись над рекой, чтобы поправить меховую шапку, упал в воду и долго плыл потом по всем морям.

Траурсен был потрясён. Сколько, оказывается, приключений было в жизни Ондатра! Его собственная на этом фоне казалась такой заурядной. Он сидел себе на похоронном венке у открытой могилы и слушал траурный марш Медведельсона. Потом его грубо сорвали с венка и швырнули так, что он врезался головой в банку из-под какао. Вот и всё.

Ондатр и Траурсен брели бок о бок и любовались на звёзды, которые мерцали в сгущавшейся темноте.

— Эх, любезный мой Траурсен, — с вдохновением произнёс Ондатр, — вот если б вы увидели русские звёзды! Они гораздо больше этих — словно горящие фонари.

Тут голос его сорвался от волнения, и Ондатр разрыдался.

Траурсен страшно испугался. Он не знал, сколь ранимы эти русские.

– Ну же, дорогой Ондатр, не убивайтесь вы так, – пробормотал он. – Не плачьте...

Ондатр всхлипнул:

– Это от счастья.

Траурсен смутился. Он-то всегда считал, что плачут только от горя.

– Я поэт, – пояснил Ондатр, хлюпая носом и утирая слёзы. А потом задрал голову к звёздам и продекламировал:

– Звёздочки русские, вечные странники...

Траурсен внимательно выслушал его и ждал продолжения. Но Ондатр вдруг умолк

и задумался. А потом торопливо попрощался и заспешил к себе в нору, чтобы записать в блокнот новую строчку, пока та не забылась.

Траурсен тоже отправился домой, улёгся на ветке и предался размышлениям. С тех пор как судьба забросила его в эти края, он многое испытал и изведal. Прежде он и представить себе не мог, что в мире столько интересного: дядьмедведи, ондатры, птенчата, каменные шарики, шишки... И разве мог он мечтать, что у него появится свой дом с дуплом-кладовочкой, а сам он будет заботиться о старой слонихе, давно потерявшей память.

Всем было интересно, каким образом Пробка объявится в пятницу? Приплывёт ли по реке, прискачет ли по берегу? Или ещё как? На всякий случай никто не смыкал глаз. Все то и дело озирались по сторонам, хотя пока ещё тянулся четверг. Уже четыре дня кряду!

Больше остальных заждалась Кругляшка. От волнения она непрерывно каталась туда-сюда, таращась на всё единственным глазом.

Ондатр почти дописал свой стих о русских звёздочках. Он работал по ночам, а на заре с покрасневшими глазами выползал из норы и вытряхивал кукольное одеяло.

– Звёздочки русские, вечные странники...
В синем небе вы словно изгнанники... –

продекламировал он.

– Ночью небо не синее, – сказал Мальчик.

– Речь идёт о русском небе, – объяснил Ондатр.

На это им сказать было нечего. Рыжий вообще предпочитал держать своё мнение при себе. Он плохо разбирался в современной поэзии, особенно по утрам.

– Может, поиграем? – предложил Мальчик.

– Смотря во что, – устало проговорил Рыжий. – Если ты предлагаешь что-нибудь закопать... Или, наоборот, откопать...

Но остальным это было неинтересно.

– Ещё можно, например, похоронить кого-нибудь...

И тут Мальчик закричал:

– Придумал! Придумал! Будем играть в похороны.

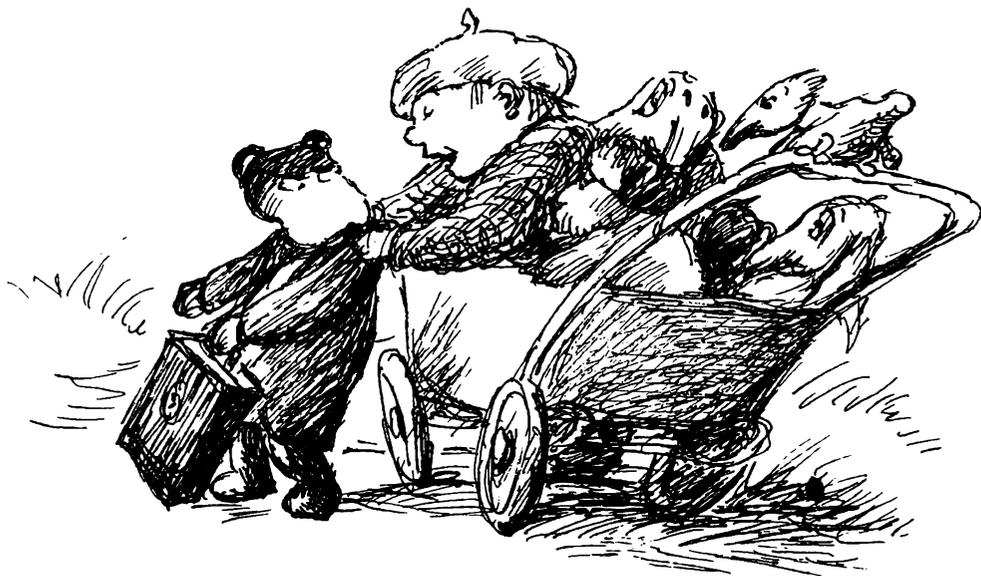
Ондатр и Рыжий наострили уши.

– И Траурсена позовём.

– Верно, – оживился Рыжий. – Он у нас в похоронах дока.

– Думаю, и Дядьмедведь не откажется, – сказал Ондатр.

– Ага! Правильно! – обрадовался Мальчик. – А ещё Мака пригласим. И Элефанту. Забирайтесь все живо в коляску!

Вскоре все были в сборе. Дядьмедведя подловили, когда он вышел со своим граммофоном на утреннюю прогулку.

Поначалу он и слышать не хотел ни о каких играх. Он уже стар для этого. Но, узнав, во что именно они собираются играть, всё-таки согласился – при условии, что ему не придётся иметь дело с резиновой обезьяной.

Мальчик направил свою коляску к песочной яме. Та словно специально была создана для похорон. И тут они задумались: а как играть в эту игру?

Понятно, что нужно вырыть яму, ну а потом? Ведь надо будет кого-нибудь похоронить. Иначе какой смысл играть?

– Добровольцы есть? – спросил Мальчик.

Все молча переглянулись. Даже Кругляшка притихла.

– Элефанта, не хочешь, чтобы тебя похоронили? Ну, чуть-чуть?

– В яме?

– Ну да.

– Спасибо, но, пожалуй, это слишком любезно, – вежливо отказалась Элефанта.

Траурсен нахмурился.

— Да мы потом её выроем. Поиграем — и выроем, — успокоил всех Мальчик и подтолкнул слонику в яму.

Они дружно принялись сбрасывать на неё песок, пока почти полностью не засыпали — лишь кончик хобота остался торчать.

Тогда Дядьмедведь открыл свой граммофон и завёл траурный марш Медведельсона, Ондатр разложил вокруг хобота цветы, а Траурсен помахал на прощание своей лентой.

Потом они задумались: а как играть дальше? Но всё оказалось проще простого. Надо было просто стоять вокруг могилы и ни в коем случае не смеяться.

— Начинаются похороны, — тихим голосом объявил Мальчиш и строго предупредил: — На похоронах нельзя смеяться.

Как только он это сказал, на всех сразу напал смех. Даже Дядьмедведь не смог сдержаться, так что ему пришлось отставить граммофон в сторону.

— Прекратите немедленно! — закричал на них Мальчик и тут же сам покатился со смеху, так что даже упал на траву.

Наконец все вдоволь нахохотались, и похороны закончились. Осталось теперь откопать Элефанту и стряхнуть с неё песок.

Когда потом они вспоминали эту игру, то никак не могли объяснить, в чём был её смысл. Помнили только, что это была очень весёлая игра и что они хохотали до упаду — но вот над чем, все напрочь забыли.

Шишкинсона, единственного обитателя загона, у которого мозг был больше шишечной чешуйки, время от времени замечали в чаще леса. Он так одичал, что вместо приветствия кричал всем: «Чего вам?» Было ясно: он ни за что не вернётся в загон, где его вечно дразнили еловые шишки.

А вот Траурсен, наоборот, всё больше обживался на новом месте и привыкал к новым порядкам. Рыжему даже удалось пару раз заманить его в Картонную школу, чтобы поучить собачьим премудростям. Траурсен быстро выучил: «П» — для палок и «К» — для костей. И натренировался по команде садиться и лежать. Но вот к выкапыванию он оказался совершенно не способен. А короткая странная команда «Голос!» приводила его в полное замешательство. Но Рыжий всё равно остался доволен и приклеил

ему четыре золотые звёздочки в качестве поощрения.

В ожидании пятницы Кругляшка не находила себе места и металась туда-сюда. Она чувствовала, что снова влюбляется в Траурсена, ведь он теперь был весь увешан золотыми звёздами. Но Траурсен был настороже и старался прошмыгнуть мимо, улучив момент, когда глаз Кругляшки поворачивался в другую сторону.

В ожидании пятницы Мальчик хмуро бродил по округе. Он терпеть не мог ждать, и Птенчонок тоже. Чтобы как-то занять время, они стали следить за Траурсеном, который улёгся поспать днём на своей ветке, спрятав голову в дупло. Они терпеливо ждали, когда он свалится. В конце концов Траурсен всё-таки шмякнулся. Мальчик мигом подхватил его и швырнул в реку.

С отчаянным криком Траурсен плюхнулся в воду. Мальчик и Птенчонок чуть не умерли со смеху.

Проезжавший на мотоцикле Мак охотно присоединился к их веселью.

А вот шишке было не до смеха. Швыряли его и прежде, но в воду – никогда, да ещё столь унижительным образом.

– Мы просто пошутили! Ты что, шуток не понимаешь? – сказал, отсмеявшись, Мальчик.

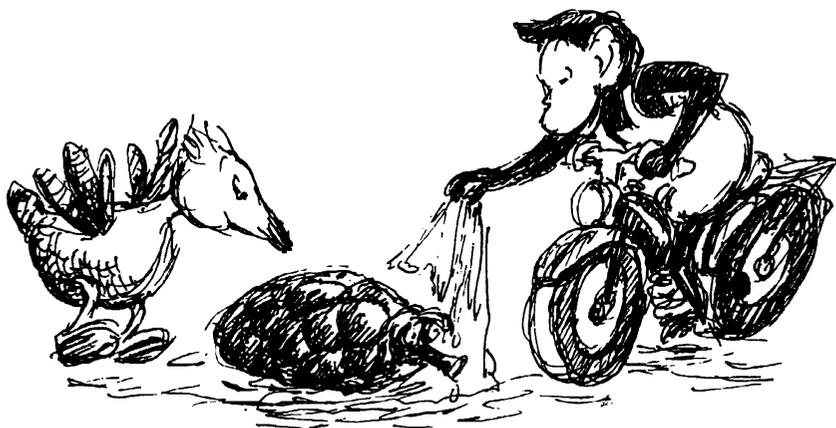
– Мы думали... ты обрадуешься, – пискнул Птенчонок.

– Выньте меня отсюда, – попросил Траурсен.

Они выловили его и положили на траву. Мокрая шёлковая ленточка стала похожа на тряпку. Мак осторожно приподнял её:

– Глядите-ка, он скукожился!

И правда, Траурсен весь как-то сжался. Большие коричневые чешуйки закрылись,

и он сделался таким же гладким и тёмным, как еловые шишки.

Они закричали от восторга. А когда чешуйки снова начали расправляться, радости их не было предела.

– Красота! Красотища! – кричал Мак. – Давай распушайся, старый панк!

Чешуйки одна за другой поднимались под их хлопанье и свист. К Траурсену постепенно возвращалось чувство собственного достоинства, и настроение его быстро улучшалось. Наконец все чешуйки расправились, и он воспрял духом.

Вдруг из коробки раздался голос Рыжего:

– Эй! Кто там есть? Посмотрите, кого я нашёл!

Да почти все уже собрались. Даже Элефанта, которая от шума упала с ветки. Всем нетерпелось посмотреть, что же такое нашёл Рыжий.

Когда они прибежали, пёс сидел в своей коробке. Вид у него был смущённый. А тот, кого он держал, не желал лежать спокойно, вертелся и выворачивался.

Мак подкатил к школе первым и заглянул в коробку.

– Глазам своим не верю – медвежонок в крапинку! Девочка!

На дне коробки и в самом деле лежал маленький плюшевый медвежонок – в красную и чёрную крапинку. Вид у медвежонка был грустный.

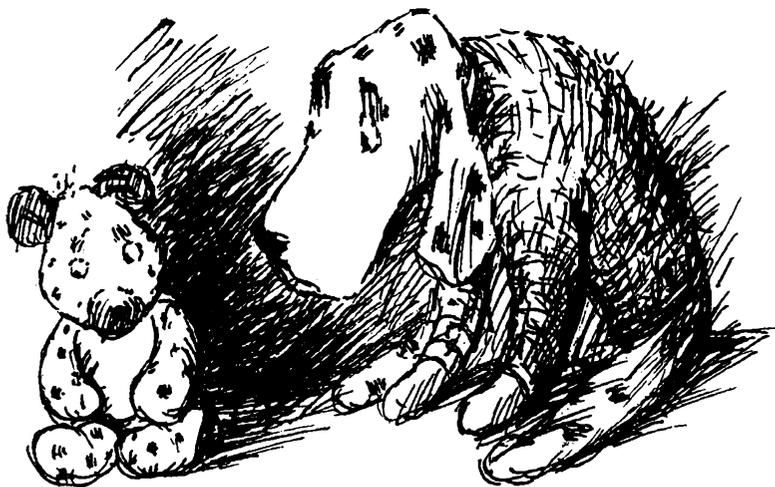
– Где ты живёшь? – спросил Мальчик.

– Дома.

– Тебя кто-нибудь потерял? – заботливо спросил Рыжий.

– Да...

– Кто?

Потеряшка заплакала:

– Мой мальсик.

– Я нашёл её у песочной ямы, – объяснил Рыжий.

– Её тоже забросили? – спросил Мак.

– Нет... скорее потеряли, – ответил Рыжий.

Всем стало жалко бедняжку.

– Где мой мальсик? – всхлипывала она.

– Если хочешь... я могу стать твоим мальчиком, – предложил Мальчик.

Но Крапинка – так они сразу стали её называть – покачала головой. Тогда они стали гладить и утешать плюшевую малышку.

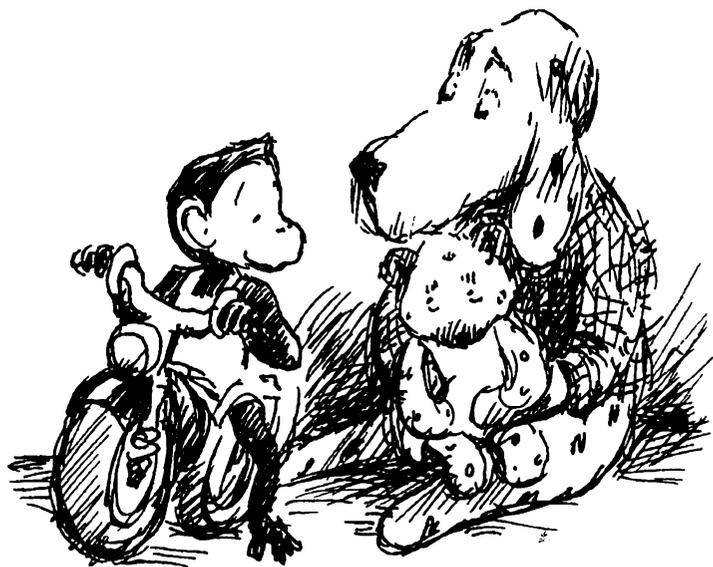
Каждому сразу захотелось взять её к себе. Даже резиновое сердце Мака дрогнуло, и он был почти готов разделить с медвежонком свою жестяную банку. Но Рыжий уже всё сам решил. За то короткое время, пока он держал Крапинку на коленях, в нём проснулось неведомое прежде чувство – что-то тёплое нахлынуло на него волной.

– Она будет жить со мной. Это я её нашёл!

Он отодвинет учебники и освободит для малышки место за «Журавлями и цаплями». А потом станет учить её всяким собачьим премудростям и наградит за успехи золотыми звёздочками. Как знать, может быть, со временем эта малютка даже сыграет Офелию в *Птицгамлете* и станет членом ДЧМЖ...

Пока Рыжий планировал будущее Крапинки, та уснула у него на коленях, и теперь он боялся пошевелиться.

— Уходите, — прошептал пёс. — А то ещё разбудите.

Все потихоньку разошлись, и у Рыжего стало легче на душе. Он очень боялся, что Мальчик заберёт Крапинку себе. Но теперь можно было вздохнуть спокойно.

Пёс осторожно закрыл крышку коробки.

Все разбрелись по домам. Никто не обратил внимания на тихий щелчок – словно пробка ударилась со всего маху о почтовый ящик. Никто не знал, что наконец-то наступила пятница!

Да, да, вот и пришла пятница! День Пробки Баха! Все его заждались. Интересно, как он объявится – приплывёт, прилетит или прикатит? Поди догадайся! Мальчик и Птенчонок в ожидании прогуливались по берегу реки Эмон. Ондатр сидел на своём камне у Чёрного моря. А Кругляшка, как обычно, каталась туда-сюда без всякого плана.

Рыжий с Крапинкой на коленях расположился под почтовым ящиком. Малышка всё ещё грустила, вспоминая своего мальчика, и глаза у неё были на мокром месте.

Старый пёс, как мог, старался её утешить.

– Сегодня прилетит одна пробка! – попробовал он её развеселить.

– Это сто такое? – спросила Крапинка.

– Пробка – это пробка. Ну, такая штука-вина, которой затыкают бутылку.

– А это сто?

– Хм, бутылка... это... ну, это то, что за-
тыкают пробкой, – попытался объяснить Ры-
жий.

Крапинка озадаченно посмотрела на него. Она была ещё маленькая и, ясное дело, ни-
чего не знала про бутылки и пробки. Воз-
можно, Рыжему придётся подождать, пока

она немного подрастёт, прежде чем учить её собачьим премудростям.

На тропинке появился Дядьмедведь.

– ДЧМЖ, дорогой брат!

– ДЧМЖ, – ответил покорно Рыжий.

Тут Дядьмедведь заметил медвежонка и застыл как вкопанный.

– Позволь спросить, а кто это у тебя на коленях?

– А, это... Это малютка Крапинка, – насторожившись, пробормотал Рыжий.

Дядьмедведю эта новость явно не понравилась.

– Скажи на милость, с каких это пор ты стал играть с медвежатами?

– Ну, не знаю... можно ли назвать это игрой, – промямлил неуверенно Рыжий. – Она потерялась. Нельзя же быть настолько бесчеловечным.

Дядьмедведь хмыкнул.

– Это ведь тоже плюшевый медведь, – сказал Рыжий. – Может даже, ваша родня... дальняя.

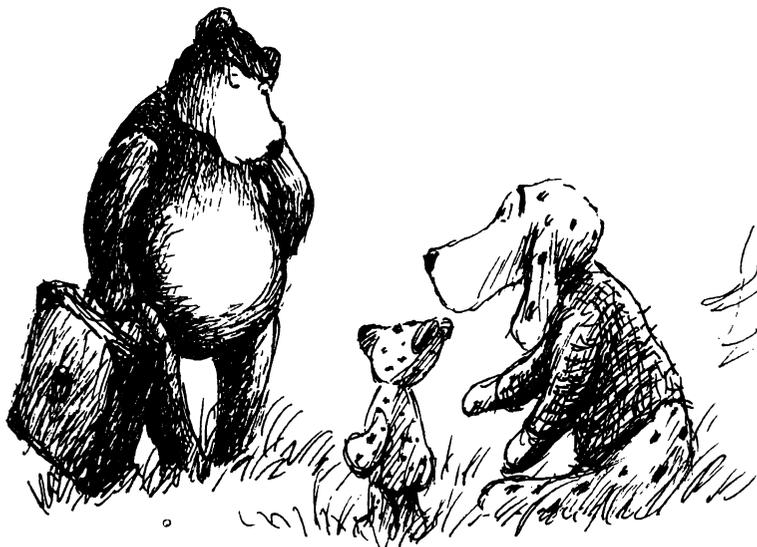
– Что-то не верится, – с сомнением проговорил Дядьмедведь.

Никаких медвежат он у себя в роду до сих пор не обнаружил. Но зато, что гораздо хуже, узнал, что дедушка маминой бабушки был обычным шариком. Хорошо, что не каменным, а металлическим, но всё равно радости мало. По этой причине Дядьмедведь пребывал в дурном настроении и сердито поглядывал на маленького медвежонка.

А Крапинка смотрела на него во все глаза. Она соскочила с колен Рыжего и осторожно подошла к Дядьмедведю.

— Сто это? — спросила она, указывая на граммофон.

— Граммофон, — хмуро ответил Дядьмедведь.

– А сто это?

– Граммофон – это граммофон, вот и всё, – огрызнулся Дядьмедведь.

Но Крапинка не сводила с него глаз.

– Сто это? – спросила она, указав на его нос.

– Господи, это нос! – ответил Дядьмедведь.

– Класивый! – сказала Крапинка и этим сразила Дядьмедведя наповал.

– Ну, раз ты так считаешь... что ж, и правда, в нём что-то есть, – пробормотал он и посмотрел на малютку почти с нежностью: хорошо, что она не пищит и не капризничает, как другие маленькие дети.

Он открыл граммофон и поставил пластинку.

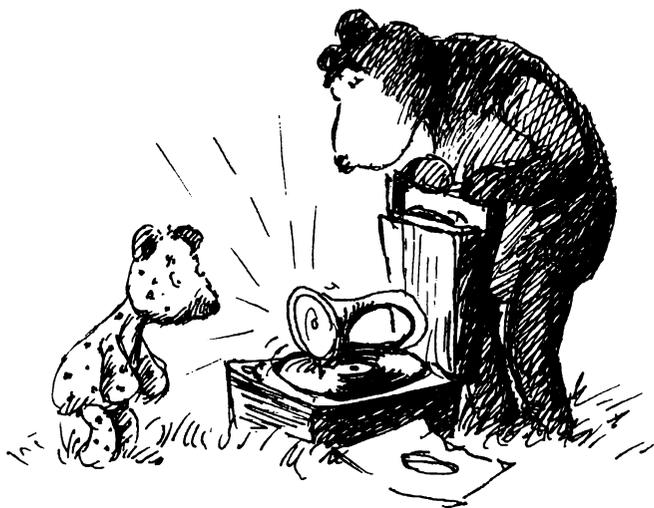
– Сто это? – оживилась Крапинка.

– Медведельсон, – сказал Дядьмедведь.

– Сто это?

– Медведельсон. Просто Медведельсон, – объяснил Дядьмедведь. И завёл на полную катушку Четвёртую симфонию.

Крапинка слушала, затаив дыхание. А Рыжий тем временем отступил поближе к коробке.

Дядьмедведь одобрительно посматривал на медвежонка: малышка явно любила музыку. Кто знает, может, они и на самом деле родственники? Дальние...

Когда пластинка закончилась, Крапинка замахала лапами и закричала:

– Есё, есё!

Дядьмедведь принялся рыться в граммофоне. А Рыжий в это время попытался незаметно скрыться в коробке.

Но только Дядьмедведь собрался снова поставить Медведельсона, как прикатила Кругляшка.

– Не видели моего женишка? Он должен прибыть сегодня!

– Кто? – подозрительно спросил Дядьмедведь.

– Пробка Бах, вот кто! Мой жених!

– Только его здесь не хватало, – проворчал Дядьмедведь себе под нос. Он ещё не забыл ту сумасшедшую пробку, которую они тщетно пытались образумить и заставить сыграть у них в спектакле про Птицгамлета.

Кругляшка зашлась гомерическим смехом. Дядьмедведь зажал уши лапами. Он приготовился закрыть граммофон и намеревался поскорее отправиться домой, но тут появились Мальчик и Птенчонок:

– Сегодня пятница! Он прибудет сегодня!

– Знаем, – буркнул Дядьмедведь.

– А почтовый ящик проверяли? – спросил Мальчик.

Нет, никто туда не заглядывал. По одной простой причине – никто из них до него не доставал.

Тогда Мальчик запустил руку в ящик. Кругляшка от волнения даже привстала

на цыпочки. И надо же... Ко всеобщему удивлению Мальчик выудил оттуда Пробку Баха!

Все рты поразевали. А потом вопль Кругляшки резанул воздух словно ножом:

– О мой женишок! Мой суженый!

Глаза у пробки были закрыты, а сам он был бледный и какой-то притихший – ни следа от бывшего буйства.

Мальчик потрянул его. Но Пробка Бах не издал ни звука.

– Может, он умер? – с надеждой спросил Дядьмедведь.

Нет, вроде жив. Маленький живот поднимался и опускался – значит, дышит.

– Видать, потерял сознание, – заключил Рыжий.

– Я понял! – воскликнул Мальчик. – Он стукнулся головой о ящик.

– И получил сотрясение мозга, – подытожил Дядьмедведь.

Кругляшка опять зашлась в истерическом хохоте. Бледное лицо Пробки Баха исказила мучительная гримаса.

– Ай-й! – протянул он жалобно.

– Сотрясение мозга! – радостно выкрикнули хором Рыжий и Дядьмедведь. Это злоключение их особенно интересовало. Тыщу лет такого не было, и вот те на! Какая удача! Ну уж на этот раз они свой шанс не упустят!

Дядьмедведь предложил стукнуть Пробку Баха по башке камнем – от этого любой очнётся. Но Рыжий считал, что лучше бросить его в холодную воду – пусть освежится.

На всякий случай они сделали и то и другое. Сперва Дядьмедведь тюкнул пробку камнем, а затем Мальчик швырнул его в ближайшую лужу.

И тогда Пробка Бах наконец открыл глаза, отряхнулся и горделиво осмотрел их всех. Но, когда Кругляшка, сияя от радости, кинулась к нему, он поспешно отскочил в сторону.

— Я чистокровный принц! Целуй мне ноги! — выкрикнул он.

Кругляшка оторопела: какие же ноги у пробки от шампанского? Хорошо хоть, что Бах оправился от сотрясения мозга и снова был жив-здоров. И безумен, как прежде.

— Но как ты оказался в почтовом ящике? — пробормотал Рыжий.

— Целуйте мне ноги! — снова крикнул Пробка Бах. — Я прилетел!

И в ту же секунду подскочил и взлетел над травой.

Напрасно они надеялись, что с возвращением Пробки Баха Кругляшка угомонится. Она неотступно следовала за ним, а он оказался весьма прыгучим и летучим. Кругляшка не спускала с жениха единственного глаза и, катясь во весь опор, выла как пожарная сирена.

В конце концов Пробка Бах бросился в реку Эмон и уплыл неведомо куда, а Кругляшка устремилась за ним вдогонку по берегу. После этого на Земле Мальчика воцарились мир и покой.

— Надеюсь, его унесёт куда-нибудь подальше, — сказал Дядьмедведь. Он сидел у норы и беседовал с Ондатром.

Поэт был с ним совершенно согласен: невозможно писать стихи под постоянные крики всяких кругляшек и пробок. А он как раз собрался сочинить новое стихотворение,

между прочим – о пробке, но о русской пробке, конечно.

Дядьмедведь равнодушно отнёсся к этому замыслу.

– Или, может быть, о малютке Крапинке...

– Вот это уже лучше, – одобрил Дядьмедведь. Ему нравилась эта плюшевая малышка, такая милая и востроглазая.

– Почему бы и нет?

Ондатр удалился к себе в нору, а Дядьмедведь направился к Картонной школе. Там,

втиснувшись за «Журавлей и цапель», сидели Рыжий и Крапинка. Каждый держал во рту кость.

– Прошу прощения, чем занят уважаемый брат? – с издёвкой спросил Дядьмедведь.

– Я... да вот... провожу важный урок, – ответил Рыжий, пытаясь украдкой спрятать кость.

– Ну надо же! – хмыкнул Дядьмедведь.

– Впрочем... урок уже закончился, – сказал Рыжий смущённо и вылез из коробки.

Крапинка кинулась в объятия Дядьмедведю и запрыгнула ему на колени.

– Ах ты, малышка! Что это ты задумала? – пробормотал Дядьмедведь. Он не знал, как вести себя с плюшевыми медвежатами, что им говорить и как держать, чтобы ненароком не сломать.

– Медведельсон! – крикнула Крапинка и прыгнула на землю.

У Дядьмедведя потеплело на сердце, его старом плюшевом сердце, и он принялся крутить ручку граммофона. Крапинка, размахивая лапами в такт музыке, пустилась в пляс. Дядьмедведь не мог отвести от неё

глаз. Рыжий слегка перевёл дух в своём укрытии за коробкой.

Наконец Дядьмедведь устал снова и снова заводить граммофон. Крапинка повалилась на землю, чтобы отдышаться.

— Откуда ты, милое дитя? — ласково поинтересовался Дядьмедведь.

Крапинка озадаченно посмотрела на него:

— Не знаю.

— А чья же ты?

— Не знаю.

— Но где ты живёшь?

– Тут.

– А разве у тебя нет мамы?

– Не-а.

– Кто же у тебя тогда есть?

Крапинка замолчала и задумалась.

– Пёсик, – наконец ответила она. И указала на нос Рыжего, который высунулся из-за коробки.

Старый пёс приободрился: теперь он её, Крапинкин, она сама это сказала.

– Сто это? – спросила она, указывая на древесную шерсть, торчавшую из его дырявой головы.

Рыжий объяснил.

– Сто это?

– Ну, просто древесная шерсть... я ею набит. Я тебе это потом объясню, в другой раз.

Рыжий улыбнулся про себя, предвкушая, скольким нужным вещам он научит Крапинку в Картонной школе.

– Дорогой брат, вы должны учить её важным премудростям. Рассказать о разных болезнях и злоключениях, – наставлял Дядьмедведь.

И тут с сосны Элефанты донёсся громкий крик.

– Сто это? – удивилась Крапинка.

– Сейчас узнаем! – оживился Дядьмедведь. – Может быть, как раз злоключение!

И они радостно поспешили к сосне. На первый взгляд там всё было как всегда. Элефанта дремала на своей ветке. А вот Траурсен, похоже, куда-то подевался.

Но тут снова послышался вопль, и они увидели, что из дупла торчат ножки Траурсена.

— Что с вами, любезный Траурсен? — крикнул Дядьмедведь.

— Я застрял! Застрял в дупле!

— Ну что я говорил! Настоящее злоключение! Хороший урок для медвежонка, — заявил Дядьмедведь.

Крапинка смотрела на них своими блестящими глазками и постоянно спрашивала, как всё называется, пока они общими усилиями пытались вытащить шишку за ^{*}ноги.

Они тянули и тянули, Траурсен стонал, но крепко сидел в дупле.

— Что вы там забыли? Зачем, скажите на милость, вы полезли в это дупло? — возмущался Дядьмедведь.

— Хотел проверить, помещусь ли я в нём, — прокряхтел Траурсен. — И вот, представьте, застрял! И теперь ни туда ни сюда.

Но чем сильнее они тянули, тем больше Траурсен застревал в дупле. В конце концов они совсем отчаялись: так им его не вытащить.

— Может, попросить Мака помочь... Обмотаем ноги Траурсена верёвкой, а Мак пусть тянет... — предложил Рыжий.

Дядьмедведь согласился: а что, неплохая идея! Конечно, не хотелось впутывать в дело резиновую обезьяну. Но ведь ничего лучше им придумать не удалось! И Рыжий побежал за Маком, а Дядьмедведь остался присматривать за Крапинкой и торчащими ножками Траурсена.

Мака дважды звать не пришлось. Гонщик с грохотом подкатил к сосне, в багажнике у него лежала верёвка.

Дядьмедведь демонстративно отвернулся и вздохнул.

— А что здесь делает этот старикан? — удивился Мак.

— Постыдился бы, списывальщик! — огрызнулся Дядьмедведь.

Мак невозмутимо отвязал верёвку и осмотрел ноги Траурсена.

— Может быть, ты поможешь нам его вытянуть? — попросил Рыжий. Он приподнял Мака, чтобы тот увидел, как крепко застрял Траурсен.

— Сделаем! Я знаю как. Принесите-ка воды!

— Воды? — удивился Рыжий.

— Вот именно! Притащите полную банку воды!

— Какую ещё банку? Твою жестянку, что ли?

— Нет-нет, мой дом оставьте в покое, достаточно крышки.

Рыжий припустил за водой. Пёс ничего не понял, но через минуту вернулся с крышкой, наполненной водой из моря Ондатра. Конечно, бóльшая часть воды по дороге расплескалась, но всё же на дне немножко осталось.

– Лей на шишку! – велел Мак.

– Ну нет, не могу! – сказал Рыжий и тем не менее послушно вылил воду на торчавшую из дупла шишку.

– А теперь следи за чешуйками! Видишь, они сжимаются! Класс! – закричал Мак.

Чешуйки в самом деле сложились, и Траурсен легко и быстро выбрался из дупла.

Дядьмедведь старался не показывать виду, но и он был восхищён смекалкой Мака.

После того как Крапинка поселилась в коробке, жизнь Рыжего в одночасье изменилась. Ни о каких уроках и речи быть не могло. Теперь он должен отвечать на бесконечные её вопросы и следить за тем, чтобы она ненароком не потерялась. Стоило ему на секунду отвлечься, чтобы обнюхать какую-нибудь палочку, как малютка словно сквозь землю проваливалась.

Поэтому Рыжий на всякий случай повесил на школе объявление:

*Временно
закрыто*

Но толку от этого не было. Теперь – виданное ли дело! – в школу устремились многочисленные ученики. Но не за тем, чтобы

учить собачьи премудрости – всем хотелось поиграть с Крапинкой.

Рыжий диву давался забывчивости плюшевых мишек: не прошло и пяти дней, как Крапинка совершенно позабыла о том, что она потеряшка. И когда Рыжий спросил её, не скучает ли она по своему мальчику, беспечно ответила:

– Кто это?

– Ах вот как! – пробормотал Рыжий, и его собачья душа возликовала.

Но, как на грех, к ним в гости всё чаще стал наведываться Дядьмедведь со своим граммофоном. Тот грохотал на полную катушку, и не было никакой возможности спокойно зарыть косточку. К счастью, Дядьмедведь уставал раз за разом заводить граммофон, так что рано или поздно эта какофония прекращалась, и можно было снова наслаждаться тишиной и пением птиц.

А потом Крапинке захотелось поиграть в медвежат.

Рыжий с Дядьмедведем не очень-то знали, что это за игра такая: они были уже немолды и все игры давным-давно позабыли.

– Представьте, будто мы плюшевые мишки, – просто объяснила им Крапинка.

Дядьмедведь попытался отвертеться.

– Прости, а что делают плюшевые мишки? – осторожно спросил он.

– Они просто скачут. Вот так! – объяснила Крапинка и принялась смешно подпрыгивать.

Вроде не очень-то и сложно, но даже самые простые подскоки оказались весьма непростым делом. Из Рыжего при каждом прыжке вылезала древесная шерсть, а у Дядьмедведя закружилась голова, и ему пришлось присесть на граммофон.

– А теперь мы мишки, которые боятся темноты! – объявила Крапинка.

Дядьмедведь и Рыжий смущённо переглянулись.

– Ну не знаю. На часах уже три, пожалуй, самое время пить кофе, – пробормотал Дядьмедведь и поспешил домой.

Крапинка немножко попрыгала сама по себе, пока Рыжий озабоченно осматривал свои дырки, из которых торчала древесная шерсть. Он очень устал. С тех пор как в коробке поселилась Крапинка, у него не оставалось ни минуты, чтобы вздремнуть днём. И вот теперь, стоило ему на секунду закрыть глаза, как он тут же провалился в глубокий сон без сновидений.

Когда Рыжий проснулся, уже смеркалось. Крапинки нигде не было. Ох уж эти медвежата, вечно они пропадают, стоит только на минутку задремать!

Опустив к земле свои расшатанные глаза, пёс поспешил к норе Ондатра. Но того дома не оказалось. В норе было тихо и пусто. Исполненный дурных предчувствий, Рыжий потрусил к банке Мака.

Уже совсем стемнело. Рыжий мог ориентироваться теперь только по запаху. Правда нос у него был уже не тот, и пёс не сразу отыскал холодный дом Мака. *

Однако и обезьяны дома не оказалось. Похоже, все куда-то разбрелись. Такое уже случалось однажды, когда все они вдруг потерялись. Но тогда – другое дело, тогда они потерялись все вместе.

А теперь Рыжий остался один, всеми брошенный. Не успел потеряться со всеми.

Вздыхая, пёс поплёлся к песочной яме.

И вдруг наострил уши. Он услышал знакомые голоса и скрип детской коляски, его он узнал сразу, и сердитый голос Мака тоже. А ещё он услышал тихий плач, который тоже показался ему знакомым. Крапинка!

Почувствовав прилив сил, Рыжий решительно направился к песочной яме.

– Крапинка, ты где?

– Тут.

– Где?

– Он меня закопал, – всхлипнула Крапинка.

Оказалось, что почти все игрушки были закопаны в песок, одни больше, другие меньше. У Ондатра и Птенчонка торчали только головы, от Мака остался гонцицкий шлем. Траурсен был зарыт с головой, а у Крапинки

виднелось одно ухо. Рты у всех были забиты песком – просто возмутительно! А Мальчика и след простыл.

Рыжий добросовестно откопал всех по очереди, успокоил, отряхнул и усадил в коляску.

– Кто это сделал? – строго спросил он.

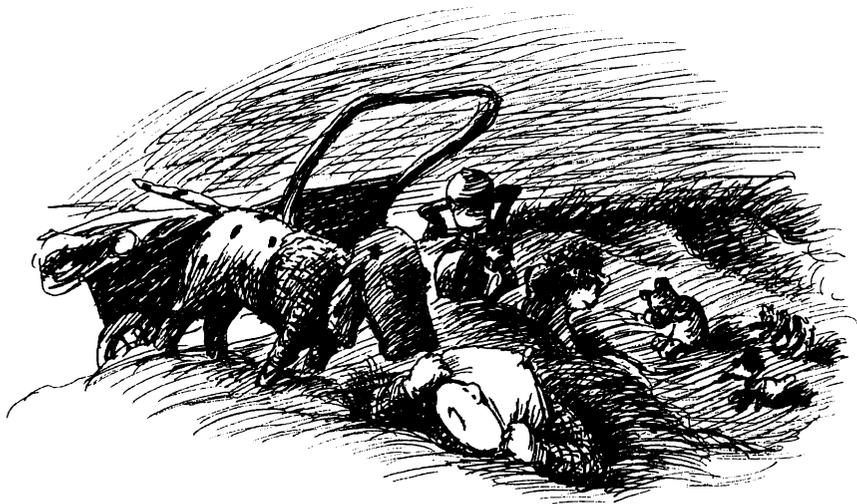
– Мальчик! – закричали все.

– А где он сам?

– Он закопал себя за коляской, – пискнул Птенчонок.

Рыжий и Мальчика откопал. А потом отряхнул и строго сказал:

– Запомни: плюшевым медвежатам нельзя гулять, когда темно.

– Она сама захотела играть в плюшевых медвежат, – возразил Мальчик.

– А разве я, ёлки-моталки, говорил, что хочу играть в медвежат? – закричал возмущённый Мак. У него песком забило карбюратор, так что гонщик просто рвал и метал.

Оказалось, что и русский ондатр был втянут в игру не по доброй воле.

– В России так не играют! – всхлипнул он. – В России вообще не играют.

Рыжий наспех закопал все ямки и отправился вместе с Крапинкой к Картонной школе. Остальные тоже разошлись по домам.

– Посему все боятся темноты? – спросила Крапинка и притулилась к Рыжему.

– Не знаю, малышка, – честно признался пёс. – Может быть, все, кроме собак и плюшевых медведей.

О, эта темнота, которая опускалась на Землю Мальчика вечер за вечером! Не все её боялись. Шишке Траурсену она даже нравилась. И Ондатру тоже. Они привыкли к темноте, которая царила в кротовой норе и в могиле.

Ещё в темноте хорошо было то, что вдруг на небе зажигались звёзды и откуда-то появлялась луна.

Ондатр и Траурсен любили смотреть на звёзды. Они могли целыми вечерами сидеть на Ондатровом камне и зачарованно глядеть на сверкающие звёзды, так что иногда, забывшись, падали в море. Они почти не говорили, но размышляли, в меру своего понимания, о смерти, о стихах и прочих важных вещах.

Пару раз Ондатр пробовал завести разговор о русской поэзии, но из этого ничего не вышло. Траурсен так и не научился читать

и ничего, кроме надписей на траурных лентах, не знал. А те были весьма однообразны: «Покойся с миром!», «Спи спокойно!», «До встречи, Бертиль и Грета!», «Бог разбудит

тебя в самый последний день». Вот, пожалуй, и всё. А русских траурных лент он никогда не видывал.

Но всё-таки им было хорошо вместе, и они часто засиживались за полночь.

Как-то раз ясной звёздной ночью они так засиделись, что не заметили, как стали клевать носом, и свалились в воду. Мокрые и продрогшие, они поплелись к дому Ондатра.

— Входи, добро пожаловать! — вежливо пригласил Ондатр.

Траурсен прыгнул в нору и приземлился на голову.

Ондатр зажёг маленькую лампу, достал два ореха и завернул дрожавшего Траурсена в кукольное одеяло.

Снаружи одна за другой гасли звёзды. Начинался новый день.

Когда Траурсен обсох, он поблагодарил хозяина и собрался уходить. Но не тут-то было! Нора стала маленькой, а Траурсен раздулся самым нелепым образом — все чешуйки на нём растопырились, и теперь он не мог выбраться наружу. *

– Как же я ухитрился сюда залезть, если не могу теперь выбраться? – наморщил лоб Траурсен. – Вот загадка!

Они ломали над ней голову, пока не прикатил Мак и не помог им её отгадать.

– Он смог войти, но не может выйти, – озабоченно произнёс Ондатр. – Вот загадка!

– Какая же это загадка! – сказал Мак. – Наверняка Траурсен до этого свалился где-нибудь в воду.

А ведь точно: и Траурсен и Ондатр, они оба упали в море, когда любовались на звёзды! Задремали и плюхнулись в воду!

– Ну что я говорил?! Прикинь: вот он и сжался, когда промок!

Ну конечно, именно так и случилось! Тогда в суете они позабыли об этой его особенности, а теперь вспомнили. Но проблема так и осталась неразрешённой: как же им вынуть Траурсена из норы?

– Да пораскиньте вы хорошенько мозгами! – усмехнувшись, крикнул Мак и исчез в облаке пыли.

Траурсен и Ондатр погрузились в раздумья.

– Раз шишка сжимается от воды... – начал рассуждать Ондатр.

Траурсен согласно закивал.

– ...значит, попав в воду и намокнув, она сожмётся и сможет выбраться из норы!

Траурсен слушал затаив дыхание.

– ...но вся беда в том, что шишка уже в норе, а выход слишком узкий, чтобы шишка могла выбраться и попасть в воду...

Они ломали головы, но ничего путного придумать не могли. А тем временем Траурсен всё больше раскрывался и в норе становилось всё теснее.

Тогда Ондатр понял, что без посторонней помощи ему не справиться.

– Пожалуйста, полежи тут, только не шевелись, а то помнёшь мои стихи, – попросил он и отправился в путь.

Скоро он заметил Мальчика, тот мчался стрелой на своей коляске. Она была полна песка, и бедняга Птенчонок снова был закопан – да так, что и пискнуть не мог. Ондатру всё же удалось остановить Мальчика и поведать, в каком затруднительном положении он оказался.

– Да швырни его в море! – посоветовал Мальчик.

– Не получится. Нора слишком узкая, – вздохнул Ондатр.

– Ну тогда вылей на него воды!

Вот это другое дело! Но в чём её принести? В его маленькой чашечке? Но она не больше ореховой скорлупки.

Мальчик собрался уезжать. У него дел было по горло: он строил гору на берегу реки – такой наблюдательный пункт, чтобы сидеть на вершине и высматривать всякие пробки и шишки, проплывающие мимо.

– А мне-то что делать? – захныкал Ондатр. – Эта шишка становится всё больше

и больше, этак мой маленький домик скоро треснет.

В конце концов Мальчик сжалился. Он высыпал из коляски песок у Ондатровой норы, сунул Птенчонка в карман, а потом закатил коляску прямо в реку.

Когда коляска наполнилась водой, Мальчик выкатил её на берег и припустил к норе. Ондатр – следом.

– Надо бы поосторожнее, – забеспокоился Ондатр. – Как бы он не захлебнулся. И как бы мои стихи не смыло...

Но Траурсена он предупредить не успел. Мальчик в мгновение ока перевернул коляску, вода хлынула в нору и растеклась лужей по земле вокруг.

Не успели они и глазом моргнуть, как от норы не осталось и следа, а сами они оказались по колени в воде. Ондатр закричал в ужасе, а Мальчик снова припустил к реке, чтобы привезти ещё воды. Наливать озеро оказалось даже веселее, чем насыпать гору.

Ондатр в отчаянии заламывал лапы. К счастью, вода неожиданно быстро ушла в песок и нора показалась снова.

– Дорогой Траурсен! – позвал Ондатр, глотая слёзы.

В норе плескались маленькие чёрные волны. Когда Ондатр потерял всякую надежду увидеть вновь своего друга, тот вдруг вылетел из норы, словно пробка из бутылки.

На радостях они бросились друг дружке в объятия. Ондатр заботливо расправил ленту на холодном теле Траурсена. Вода ещё не успела уйти из норы, как Мальчик вновь прикатил полную коляску.

– Ради всего святого! Траурсен уже спасён! – взмолился Ондатр.

Но было поздно. Новая порция хлынула в нору, и они снова оказались по колено в воде.

Мальчик завопил от радости. А Ондатр зарыдал от отчаяния. Его маленький домик! Его стихи и мускатные орехи!

Вскоре всё это выплыло наружу. Ондатр ловил бумаги, ручки, скорлупки орехов и поспешно раскладывал всё на мох для просушки – туда, где вода не могла их достать.

А Мальчик всё подвозил и подвозил воду. Он совершенно не думал о том, что Ондатр скоро останется без крова.

И вот, когда, казалось, не осталось никакой надежды на спасение, появились Рыжий с Крапинкой.

– Умоляю, спаси меня! – всхлипнул Ондатр. – Ещё чуть-чуть – и мой дом навсегда исчезнет!

– Дорогой Ондатр... но я не вижу никакого дома, – пробормотал пёс.

Ондатр закрыл лицо лапами!

— Его почти смыло.

Крапинка во все глаза смотрела на беднягу.

— Клыска пласет, — пролепетала она и погладила его по хвосту.

Тут внутри у Ондатра что-то оборвалось, и слёзы хлынули ручьём. Они стекали по его шёрстке и падали в только что образовавшееся озеро.

В этот миг появился Мальчик с новой порцией воды. Он уже собрался снова опро-

кинуть коляску, но тут Рыжий наконец сообразил, что происходит.

– Остановитесь, молодой человек!

– Я хочу сделать озеро! – крикнул Мальчик.

– Но только не здесь, не у норы Ондатра! – строго сказал Рыжий.

– Он сможет в неё занырнуть, – сказал Мальчик смущённо.

Но пёс был неумолим. Пришлось Мальчику начинать всё заново в другом месте.

Вода постепенно спадала. Ондатр время от времени печально вздыхал, и тогда Крапинка гладила его хвост.

Траурсен задремал после пережитых потрясений, но проснулся оттого, что чешуйки снова стали распрямляться.

А скоро показалась и кротовая нора. Рыжий с интересом склонился над ней.

– Странно, мне кажется, там что-то покачивается, – пробормотал он.

Ондатр вызвался нырнуть на разведку, как-никак он был всё-таки водяной крысой, пока не обзавёлся меховой шапкой. Сказано – сделано. Много воды утекло, прежде

чем он вынырнул снова – с одеялом в одной лапе и чашкой в другой.

– Прости, а что там качалось? Очень бы хотелось узнать, – спросил Рыжий.

– А это... это просто отражение твоих расшатанных глаз, – ответил смущённо Ондатр, вешая одеяло для просушки.

– Ах вот как, – вздохнул пёс.

Ондатр принялся чашкой вычерпывать воду из норы, и вскоре та почти приобрела прежний вид, хотя, конечно, сильно отсырела. Увидев размокший блокнот, Ондатр не

смог сдержать слёз. Все странички слиплись, и их невозможно было листать. Что, если он никогда больше не сможет прочитать свои стихи?

– Я подарю вам, дорогой брат, новый блокнот, – пообещал Рыжий.

– А как же мои стихи?

– Придётся вам их переписать заново, – успокоил его Рыжий. Потом подхватил Крапинку, и они отправились домой.

– Сколо клыска снова будет ладостная... – прошептала Крапинка.

В последнее время с утренними прогулками что-то не ладилось. Сначала как снег на голову свалился Траурсен. Потом было много хлопот с почтовым ящиком и Пробкой Бахом. Затем они спасали Кругляшку, а та чуть не убила их своим смехом.

На выполнение домашнего задания тоже ушло немало времени. Потом полил дождь, а после него настала пора выбивать пыль из Элефанты. А с появлением Крапинки о маломальском порядке вообще пришлось забыть.

Но в то утро они всё-таки отправились на прогулку. Небольшой неровной цепочкой: Рыжий – во главе, Траурсен – замыкающий. У Мальчика не было времени, он трудился над своим новым озером, которое обладало удивительной способностью исчезать, стоило только отвернуться. Он страшно сердился, и его возмущённые крики долетали даже до

норы Ондатра, мимо которой они как раз проходили.

– Доброе утро, дорогой брат! – крикнул Рыжий в нору.

Ондатр выполз наружу.

– Клыска лада, – сказала Крапинка.

Но на самом деле улыбка у Ондатра была совсем невесёлая. Радоваться было нечему – страницы в блокноте так и не удалось разлепить. Хорошо хоть, что у него осталась крыша над головой и ему не придётся жить под водой.

Он решил прогуляться вместе со всеми. Они неспешно направились к реке и новенькой горке. При этом им приходилось зорко следить за Крапинкой, которая мчалась то в одну сторону, то в другую и постоянно спрашивала обо всём «что это?».

– Сто это?

– Цветочек.

– А засем?

– Чтобы был цветочек.

– А засем?

Если они уставали и просили её помолчать, она очень обижалась:

– Нисего вам не скажу!

И шла потом надувшись. Тогда Ондатр брал её за лапу и терпеливо отвечал на все её детские вопросы.

Когда они подошли к смотровой горе, оказалось, что она пропала. За ночь её кто-то затоптал так, что не осталось и следа.

Исчезновение горы всех озадачило. Рыжий лелеял далеко идущие планы по проведению уроков скалолазания, а теперь их придётся отложить до лучших времён.

Делать нечего, они пошли дальше и вскоре повстречали страшно сердитого Мальчика. Его озеро только что пропало в восемнадцатый раз, так что у него уже не было сил с ним бороться и бушевать он устал. В довершение всех бед Птенчонок ухитрился свалиться в озеро, пока оно ещё не высохло, и мгновенно промок. Теперь он висел на сосне, бледный и дрожащий, и сушился. Стоит ли говорить, что ему тоже было не до веселья.

— Ну, на что уставились?! — крикнул Мальчик.

— Ни на что... Тут и смотреть-то не на что, насколько я могу видеть... — отвечал Рыжий примирительно.

— А вот и есть на что! Это озеро, если хочешь знать!

— Да что ты?.. В самом деле?

— Птенчонок в нём чуть не утонул.

— Какая жалость!

– Да так ему и надо!

Птенчонок замёрз и дрожал на ветру, но Мальчик был так зол на весь свет, что и не думал его снимать. И бедняжка продолжал висеть в ожидании лучшей доли.

Потом они вернулись туда, где вчера ещё была гора. Жаль, что им теперь не полюбоваться открывающимся с её вершины видом.

Они хотели попросить Мальчика построить гору снова, но тот не на шутку разъярился, и действовать надо было с осторожностью. Ондатр согласился сходить провести переговоры.

— Вот бы ты, Мальчик, построил заново ту маленькую гору, — начал он деликатно. — А мы бы все тебе помогли её утрамбовывать.

Мальчик уже был сыт по горло озёрами. Что ж, пожалуй, насыпать гору намного веселее, подумал он, и решил заняться этим без промедления.

Птенчонок грустно вздохнул на своей ссене.

Ондатр сочувственно посмотрел на него:

— А разве маленький Птенчонок так и останется висеть тут один-одинёшенек?

— Ой нет! — пискнул Птенчонок.

— Я же не могу положить его в карман! Он ещё мокрый, — буркнул Мальчик.

– Может, пусть пока посидит у меня в шапке? – предложил Ондатр. – Он там согреется, она же меховая. И водонепроницаемая.

Мальчик отстегнул прищепку. Довольный Птенчонок шмыгнул к Ондатру в меховую шапку, и вся компания отправилась в путь.

Когда они пришли к горе или к тому, что от неё осталось, Ондатр осторожно положил шапку на траву. Крапинка подбежала к Птенчонку, и они принялись играть в «пипи-птичек», которые не могут летать. А все остальные приступили к строительству новой горы.

Мальчик гонял туда и обратно между песочной ямой и стройкой. Гора росла не по дням, а по часам. Они старательно её утаптывали, чтобы она не обрушилась, как это порой случается.

Рыжий предложил для порядка её ещё и вылизать, но никто его не поддержал.

Вскоре гора выросла такой высоченной, что они уже не могли самостоятельно на неё взобраться. Мальчик сам поднял их на вершину.

Но, когда все расселись, для него места не осталось.

Вот что они увидели с вершины: внизу в воде плескались три палки, две крышки от банок и лесной орех. А на другом берегу они разглядели табличку с загадочными буквами «ЖД СТ», мимо которой уже пару раз проплывали раньше.

Они смотрели на всё как замороженные, пока их безмятежный покой не взорвал рёв мотора.

Это прикатил Мак:

— Клёвая гора! Прямо отпад! Класная трасса!

Он рванул было с места прямо к вершине, но забуксовал и соскользнул вниз.

– Это гора для любования видом, дорогой Мак, – наставительно сказал Рыжий. – Она может легко рассыпаться.

Мак хмыкнул:

– Да ладно тебе! Горка экстра-класс!

Рыжий снова обратил свой взор на окружающий пейзаж.

– Эй, мне надо у тебя кое-что уточнить! – окликнул его Мак.

– Прости, но Картонная школа пока закрыта, – устало пробурчал Рыжий.

– Да не парься, мне только пару номеров написать, а потом можешь, сколько хочешь, любоваться этими крышками, – сказал Мак.

Рыжий съехал с горы. Вообще-то ему эти Маковы «нумера» изрядно поднадоели. Не так-то было всё просто, часто мороки с ними было больше, чем казалось на первый взгляд.

Вдвоём с Ондатром, который нёс в шапке «пипи-птичек» они поспешили к Картонной школе, где у Рыжего хранился запас бумаги.

– Что там у тебя? – спросил Рыжий. Опёршись на «Внутреннюю политику Китая», он застыл с ручкой наготове.

– Напиши:

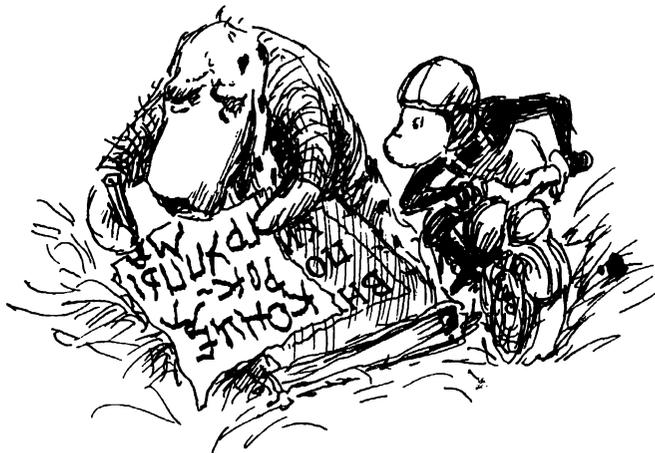
Концерт рок-группы Маха

– Что ещё за «рок»? Ты имеешь в виду злоключения Дядьмедведя? – уточнил Рыжий.

– Злоключения Дядьмедведя! Ты что, совсем мозгами бахнулся? Это РОК! Его играют!

Рыжий ничего не понял. И Ондатр тоже. Но что тут поделаешь!

Как на грех, чем старательнее пёс выводил буквы, тем больше они наклонялись, и казалось, что вот-вот упадут. А имя

резиновой обезьяны норовило заехать на переплёт «Внутренней политики Китая». Рыжий переписал всё четыре раза. На пятый Ондатр пришёл ему на выручку и помог держать ручку, чтобы все буквы наконец-то смогли уместиться на листке. Мак, радостный и довольный, укатил на своём мотоцикле. На багажнике у него, свёрнутое в трубочку, лежало объявление:

*Концерт
рок-группы
Мака*

После продолжительной прогулки Рыжий и Ондатр буквально валились с ног. Не дожидаясь, когда Ондатр откланяется, пёс рухнул как подкошенный на «Журавлей и цапель» и заснул.

Но Птенчонок и Крапинка всё ещё не наигрались в «пипи-птичек» и отказывались покидать своё гнездо, и Ондатру пришлось ждать, пока они наконец не уgomонятся.

Он принялся петь им печальные песни о России – о горах и о долинах, а ещё о берёзах, отражающихся в русских озёрах. И это подействовало. От его заунывного пения Птенчонок и Крапинка сразу заснули. Тогда Ондатр достал их из шапки и переложил в дырявые объятия Рыжего.

Рано поутру приковылял Дядьмедведь с граммофоном в одной лапе и чемоданом в другой. Он плохо спал. Резиновая обезьяна разошлась не на шутку и всю ночь бушевала у себя в банке. Дядьмедведь несколько раз ходил и стучал по ней палкой, но Мак не унимался.

Увидев Дядьмедведя с чемоданом, Рыжий всполошился:

– Дорогой брат, вы переезжаете?

Нет, всё не так плохо. А чемодан он принёс для медвежонка.

Услышав это, Крапинка просияла и подошла поближе.

Дядьмедведь вдруг смутился. Никогда прежде он не делал подарков просто так и не знал, с чего начать. Он хотел произнести короткую торжественную речь, но Крапинка потянула чемодан и прижала его к себе.

— Сто это?

— Чемодан.

— Клапинкин чемодан! — закричала она радостно. — Доблый Дядьмедведь! Клапинка любит Дядьмедведя!

В глазах Дядьмедведя заблестели слёзы. По его старому телу разлилось приятное тепло. Сам-то он чемоданом никогда не пользовался. Бумаги ДЧМЖ он хранил в граммофоне.

Пока Крапинка открывала и закрывала чемодан, Дядьмедведь вспомнил, зачем, собственно, пришёл.

— ДЧМЖ, брат!

— Взаимно, — пробормотал застигнутый врасплох Рыжий.

– Пожалуй, пора провести собрание нашего общества.

Рыжий выжидательно промолчал.

– Надо обсудить жизненно важные вопросы – большие непостижимые загадки.

У Рыжего вырвался сдавленный вздох.

– Что скажете, дорогой брат?

– Да, конечно, – пробормотал пёс удручённо и побрёл звать Ондатра.

Ондатру совсем не хотелось обсуждать непостижимые загадки в это время дня. К тому же он слегка оглох оттого, что Мак всю ночь стучал в своей банке. Но делать нечего.

Они постарались устроиться поуютнее в коробке, и собрание началось.

– Дорогие братья, члены ДЧМЖ, – торжественно начал Дядьмедведь. – Сегодня в Картонной школе мы должны рассмотреть весьма животрепещущий вопрос. Имеют ли пробки право на жизнь?

Он прищурился и обвёл всех внимательным взглядом.

– Они имеют такое же право, как и остальные, – сказал Ондатр.

- Почему вы так считаете?
- Ну, они же... они же пробки.
- А что такого особенного в пробках?
- Ну, они такие же, как все.
- Вот как! Разве?

Ондатр начал сомневаться.

Дядьмедведь пристально посмотрел на него:

– Разве у них есть ноги? Или руки? Или мех?

Он с вызовом покосился на Рыжего, но старый пёс успел уже позабыть, о чём шла речь.

– Я согласен с Ондатром, – поспешил сказать он.

– Любезный брат, собственно говоря, Ондатр не внёс ещё никакого предложения.

— Как бы Крапинка не убежала куда, — забеспокоился Рыжий и стал торопливо выбирать из коробки. К счастью, малышка и впрямь куда-то убежала, так что пёс незамедлительно покинул собрание и отправился на её поиски.

Пока Дядьмедведь и Ондатр обсуждали права пробок, Рыжий бродил по округе и звал Крапинку. Но не успел он отойти далеко, как нашёл великолепную кость с божественным запахом. Он знал, с каким осуждением Дядьмедведь относится к костям, но не мог пройти мимо такой находки.

Прежде чем взять кость в зубы, пёс ещё несколько раз окликнул Крапинку, и — вот радость! — она отозвалась.

Малютка сидела на чемодане и мурлыкала что-то себе под нос.

– А теперь Крапинке пора домой! А то она потеряется, – рассудительно сказал Рыжий.

– Потеляться – это холосо, – залопотала Крапинка, но взяла чемодан и послушно пошла за ним.

Никогда прежде не находил Рыжий такой большой кости. Он даже покачивался под её тяжестью, пока они с Крапинкой шли к школе.

Дядьмедведь глазам своим не поверил, когда Рыжий, громко отдуваясь, подошёл к коробке.

– В чём дело, брат? Какое отвратительное зрелище! И это называется – культурный пёс! Выплюньте сейчас же эту гадость!

Но Рыжий прочапал мимо и выпустил кость, лишь оказавшись за коробкой. Там он в изнеможении опустился на землю.

— Ещё одна такая кость, и вы меня больше не увидите! — крикнул Дядьмедведь и стал заводить граммофон.

— МЕДВЕДЕЛЬСОН! — заверещала от радости Крапинка и бросилась к нему в объятия.

Дядьмедведь мгновенно забыл и о пробках, и о палках, и о братских союзах с их повестками дня, и обо всём прочем. Сквозь пронзительные звуки Медведельсона он слышал, как колотится сердечко Крапинки рядом с его собственным сердцем. Только его билось медленнее и глуше — где-то в самой-самой глубине.

Каждый вечер с наступлением сумерек на Крапинку нападал страх темноты. Как только они забирались в коробку, она кидалась к Рыжему, чтобы тот её защитил.

– Придёт Стлахон и забелёт меня! – шептала она.

Рыжий успокаивал её:

– Ничего не бойся! – Но в его заскоруженных мозгах крепко засела мысль, что есть вещи и пострашнее. Бабаи, например.

Крапинка просила пса рассказать ей сказки – много-много, но Рыжий их все позабыл. Помнил лишь одну – про Птенчонка, который пришёл в гости к крольчонку.

«Привет-привет! – прощобетал Птенчонок. – Нет ли у вас коф-фе?»

«Нет у нас коф-фе», – отвечал крольчонок.

«Нет коф-фе?»

«Нет».

«Ну тогда я пошёл. До свидания!»

«До свидания!»

Вот и вся сказка.

Поначалу история показалась Крапинке забавной, но, когда Рыжий рассказал её пять раз подряд, она ей наскучила, и малышке захотелось чего-нибудь новенького.

Рыжий напруг память — настолько, насколько позволяла ему древесная шерсть.

«Жил-был медвежонок в крапинку...» — начал он наконец.

— Да! Да! — обрадовалась Крапинка.

«Жил-был медвежонок в крапинку, который боялся темноты. Но однажды он взял

свой чемоданчик и отправился бродить по белу свету».

Крапинка слушала раскрыв рот.

«А белый свет был большой-пребольшой. И медвежонок заблудился в тёмном лесу».

– Нет! Нет! – закричала Крапинка.

«И тут он услышал крик за деревьями – это был ужасный Бабай, он хотел забрать его...»

Крапинка юркнула под кофту Рыжего.

– Плогони его! – закричала она.

Рыжий на минуту задумался: он-то соби-рался лишь немножко поугатать малышку, чтобы та не так часто убегала.

Но ему пришлось горько пожалеть о содеянном. Крапинка всю ночь не сомкнула глаз — лежала, прижавшись к его кофте, так что Рыжий не мог ни пошевелиться, ни понюхать новую косточку, которую с большим трудом затащил накануне вечером в коробку.

Наступило утро, и страхи Крапинки сразу улетучились. Она решила, что темнота сгинула навеки. Пока Рыжий наводил порядок и вылизывал старые вещи, она радостно подхватила чемоданчик, выбралась из коробки и исчезла за деревьями.

Старый пёс какое-то время занимался делами, напевая себе под нос. Наконец-то он мог в тишине и покое осмотреть свои косточки и насладиться их ароматом.

Лишь когда в коробку заглянул Птенчонок и спросил, не выйдет ли Крапинка поиграть, Рыжий сообразил, что она пропала.

А Птенчонок снова забыли. Он просох и опять мог бегать и прыгать, но Мальчик ни разу не вспомнил о нём и укатил куда-то на своей коляске.

— Хочешь, вместе поищем Крапинку? — предложил Рыжий.

Птенчонок очень этого хотел. И они отправились на поиски.

У Ондатра Крапинки не было. А сам Ондатр был занят сочинением стихотворения про пробку и не мог позволить себе отвлекаться на разговоры. Он демонстративно показал им свой блокнот, некоторые странички которого теперь можно было снова листать.

У Мака Крапинки тоже не оказалось. Но она к нему заходила. И даже немножко поиграла с его рок-группой.

— Она молодчина! — похвалил Мак. — Пожалуй, я приму её в рок-группу.

— Крапинка ещё мала... хм... для рок-группы, — проворчал Рыжий.

Но Мак его не слушал.

— И ты тоже приходи, — пригласил он Птенчонка. — Да только прихвати с собой пару палочек получше — тогда мы оторвёмся по полной!

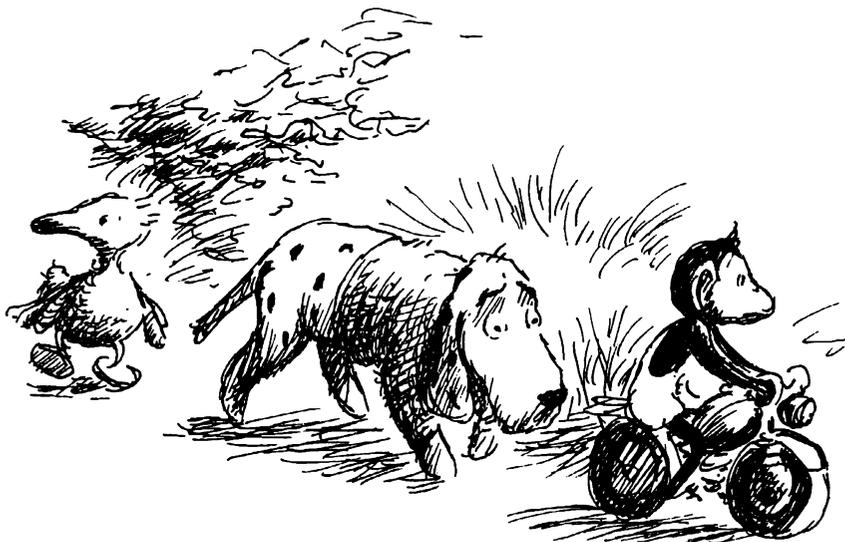
— Мы ищем Крапинку, — поспешил напомнить Рыжий.

— Ладно, и я с вами, — сказал Мак, вылезая из банки.

На смотровой горе Крапинки тоже не было. И в песочной яме. И в коляске. Она, правда, пробегала мимо сосны Элефанты и очень удивилась, заметив высоко на ветке старую слониху. Траурсен, который сидел под деревом и сортировал шишечные чешуйки, предложил проводить её домой. Но Крапинка возвращаться не захотела.

— Ну, мне пола, — сказала она и пошлёпала дальше.

Они шли за ней по пятам. Рыжий волновался всё больше. Что, если Крапинка убежала к Дядьмедведю? Сидит, может, теперь

на своём чемоданчике и слушает этого Медведельсона, а Дядьмедведь рассказывает ей сказку за сказкой – у него-то мозги ещё не засохли, как у некоторых.

Рыжий, который только этой ночью сетовал на то, что не может заснуть из-за малышки, притулившейся у него под боком, теперь чуть не плакал. Может, она никогда никогда к нему больше не прижмётся!

– Вдруг её мальчик нашёлся? – неожиданно сказал Птенчонок.

Её мальчик! Только не это! Она о нём и думать забыла. Рыжему всё труднее было идти вперёд. Его старое сердце не выдерживало таких сильных нагрузок. Пёс представлял опустевшую брошенную коробку, которую никогда больше не оживит никакая маленькая Крапинка.

Они подошли к растоптанному шишечному загону. И – надо же! – Крапинка была там. Сидела с таинственным видом возле своего чемоданчика.

– Милое дитя, – проговорил Рыжий. – Я уж думал, что... что ты убежала... или, может, нашлась.

– А куда подевались шишки? – удивился Птенчонок.

Крапинка загадочно улыбнулась:

– Плопали!

– Точно! Да всё равно они были безмозглые! – сказал Мак.

И они пошли домой. Крапинка молчала, но крепко держала чемоданчик. Оттуда время от времени доносились странные звуки...

Вечером Крапинка снова испугалась темноты и опять спряталась под кофтой Рыжего. Но на этот раз пёс лишь счастливо улыбнулся. Коробка больше не казалась ему тесной. В ней теперь вполне хватало места.

Пёс лежал тихо, как мышка, боясь разбудить медвежонка. Иногда он улавливал ка-

кие-то звуки, но откуда они доносились, он догадаться не мог. Пару раз ему послышался чей-то писк: «Помогите!» Но, наверное, это ему просто почудилось.

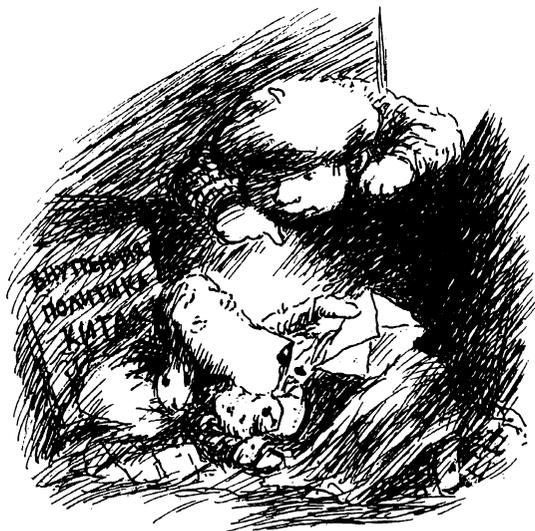
Во всяком случае Рыжий долго не мог заснуть. А только он задремал под утро, кто-то громко забарабанил по крышке коробки, и на пса упало письмо.

– Получите почту! – крикнул Мальчик.

Рыжий с трудом открыл глаза:

– Тише, тише! Ещё слишком рано, молодой человек.

– Да ты прочти! – крикнул Мальчик. Ему некогда было разговоры разговаривать,

он задумал соорудить несколько новых озёр и пару горок в придачу.

– Тсс! Крапинка спит, – прошептал Рыжий.

– Читай! А не то я и её разбуджу! – пригрозил Мальчик.

Рыжий напряг зрение и наконец смог разобрать: ПРИЛЕТАЮ В ЧЕТВЕРГ.

– Это же Пробка Бах! Я так и знал! Он прилетит в четверг! – завопил на радостях Мальчик и поспешил дальше на своей коляске.

А Рыжий без сил рухнул в коробку. Ага, снова объявится Пробка Бах – и тогда покоя не жди. Но ничего не поделаешь, пробки тоже имеют право на жизнь. Как и кругляшки – с этими тоже никакого сладу.

Рыжий осторожно погладил Крапинку. Она всё ещё посапывала под его кофтой.

И тут явился Мак:

– Вы что, ещё дрыхнете? Да открой фары!

Речь резиновой обезьяны становилась всё более непонятной.

– Чего тебе? Будь добр, говори тише, малютка ещё спит.

Но тут Крапинка проснулась и удивлённо высунула голову из-под кофты.

– Приветушки! Собирайся, пойдём сбцаем рок!

– Постой-ка, парень!

Сон у Рыжего как лапой сняло.

– Крапинка ещё слишком маленькая... для этих твоих, как ты там их называешь...

Но они не стали его слушать. Малышка, прихватив чемоданчик, запрыгнула к Маку на багажник, и через секунду мотоцикл исчез в облаке пыли.

А Рыжий остался один. Он бродил в тревоге и пытался убедить себя, что с Крапинкой ничего не случится и что никуда она из Маковой жестянки не денется. Но, вылизав несколько раз всю коробку, старый пёс всё-таки поспешил за ней следом.

Найти место, где репетировала рок-группа, было проще простого. Из банки *O'Voу* доносились яростные удары и дикий грохот. Рыжий издала разглагольствование ревящихся там Крапинку и Птенчонка. Но подходить ближе не стал – это громыханье ему и от кустов хорошо было слышно. Пока он там лежал, явился Дядьмедведь.

– Дорогой брат, ДЧМЖ! – поздоровался он и добавил: – Всё это весьма прискорбно.

– Что?

– Этот шум...

– Ах, это... да... – проямлил Рыжий. Он заметил, что при появлении Дядьмедведя

мысли у него сразу куда-то улетучивались и он забывал, о чём они только что говорили. «Шум... Какой ещё шум? – подумал он. – Что происходит?!»

– Ты, часом, не спишь? – весьма неделикатно спросил Дядьмедведь.

– Нет, конечно.

И тут Дядьмедведь заприметил в банке Крапинку. Она размахивала чемоданчиком в такт ужасной какофонии.

– Что я вижу, брат! Что наша малышка делает в банке резиновой обезьяны? Отвечай же!

Рыжий, как умел, попытался объяснить. Но Дядьмедведь только хмыкал. Он считал, что всё это вульгарно. Да и вообще, резиновая обезьяна – неподходящая компания для их Крапинки.

– Того гляди, увлечётся всякими обезьянами и мотоциклами да возьмёт и укатит – только её и видели! – зловеще предрёк Дядьмедведь.

Вдруг весь этот гвалт разом смолк. В банке стало тихо.

– Вот увидите, брат, сейчас они укатят, – прошептал Дядьмедведь.

Дядьмедведь и Рыжий застыли в тревожном ожидании. Но никто не выехал.

А тем временем в банке участники рок-группы склонились над чемоданчиком. Тот вдруг раскрылся в самый разгар общего веселья, и оттуда посыпались еловые шишки.

— Вот это да! — крикнул Мак. — Давай их сюда, они классные!

Бедные шишки! Они были все в синяках после диких танцев, и голова у них шла кругом. Они попытались спрятаться, но растеряли ножки. Бедняжки мечтали лишь об одном — вернуться к себе в загончик. Но как? Они даже не помнили, где тот находится.

Мак ловко похватал их, швырнул в чемодан и хотел продолжить концерт. Но Рыжий решил, что это уже слишком.

– Немедленно отпусти их! – громко крикнул он, выбираясь из кустов. – Шишки – это вам не игрушки!

Дядьмедведь выбрался за ним следом и тоже намеревался вступиться за бедных шишек. Но забыл обо всём, когда Крапинка подбежала к нему и обхватила своими ручками его ногу.

И тогда рок-группа быстренько распалась. Крапинка безропотно пошла за Рыжим и Дядьмедведем, еловых шишек вернули в загон, Птенчонок отправился своей дорогой, а Мак с досады на целый день заперся у себя в банке.

Ондатр трудился над стихотворением о пробке. Но вдохновение оставило его. Он пожаловался Дядьмедведю, но тот ничего не смыслил в поэзии. Особенно если речь шла о русских пробках.

– Разве вы, дорогой брат, не собирались сочинить стихотворение о Крапинке?

– Возможно, но я не умею сочинять два стихотворения сразу, – ответил поэт. – В настоящий момент мои мысли заняты пробкой.

– Упаси вас господи иметь дело с этой ужасной пробкой от шампанского!

Дядьмедведь открыл граммофон. Ондатр почувствовал, как депрессия вновь запускает в него свои когти.

– Кажется, в письме сообщалось... что Пробка прилетит в четверг, – проговорил он осторожно.

Дядьмедведя словно обухом ударило.

— Ах вот как! Значит, всё по новой! И эта ужасная Кругляшка тоже объявится? Век вывихнут! — воскликнул Дядьмедведь и захлопнул граммофон. — А как этот Пробка Бах прилетит, позвольте спросить? Разве у него есть крылья?

— Об этом в письме не сказано, — робко пробормотал Ондатр.

— Хотелось бы посмотреть на это письмо. Где оно?

— Кажется... у Рыжего. В кармане дядькофты.

– Ага! Ну это я сейчас же проверю!

К великому облегчению Ондатра, Дядьмедведь подхватил граммофон и удалился.

Никогда прежде Ондатр не писал столь сложных стихов. Он был сам не свой. Лежал дни и ночи напролёт на кукольном одеяле, писал и зачёркивал, но так и не продвинулся дальше первой строчки:

«О ты, гордая русская пробка...»

После визита Дядьмедведя поэт впал в ещё большую меланхолию, залез в нору и попытался отрешиться от мирской суеты.

А Дядьмедведь тем временем решительно шагал к Картонной школе.

Крапинка встретила его радостно. Она сидела перед коробкой, уставившись на пустой чемодан. Но, завидев Дядьмедведя, с громким криком «Медведельсон!», отозвавшимся эхом в лесу, кинулась к нему в объятия.

Дядьмедведь сразу забыл, зачем пришёл. Он поставил своего лучшего Медведельсона,

и Крапинка закружилась по траве. Рыжий спал за коробкой. Когда отзвучала Пятая симфония, на миг воцарилась тишина. Крапинка серьёзно посмотрела на Дядьмедведя:

– Посему ты такой некласивый?

Дядьмедведь похолодел:

– Ну... не знаю. Я об этом не задумывался. Неужели я такой уж некрасивый?

– Да-а.

Дядьмедведь тяжело вздохнул.

– Но ведь Крапинка говорила, что у меня красивый нос, – проговорил он наконец.

– Да-а, нос класивый, – подтвердила Крапинка. – И уши. И живот.

От этого перечисления Дядьмедведь немножко приободрился:

– Так что же, малышка, тебе кажется некрасивым?

Крапинка задумалась:

– Не знаю. Я забыла...

Дядьмедведь вздохнул с облегчением.

– Можешь завязать мне бантик? – спросила Крапинка немного погодя.

Ох! Вряд ли. У него слишком большие лапы для бантиков.

– А свистеть ты умеешь?

Нет, свистеть он не умеет. Не дядьмедведево это дело. Это больше подходит всяким резиновым обезьянам и прочим подозрительным личностям. Пробкам, например. Тут Дядьмедведь вспомнил, за чем пришёл – за письмом! Он поспешно растолкал Рыжего, дремавшего за коробкой.

– ДЧМЖ! Где письмо?

Рыжий спросонок не сразу сообразил, о каком письме идёт речь. Пёс осторожно поднялся и достал из кармана кофты аккуратно свёрнутое в трубочку письмо.

– А как ты, брат, получил его?

– Оно... просто упало на мою кофту.

– И кто же его бросил? – начал допрос Дядьмедведь.

– Мальчик... он... оно лежало в почтовом ящике.

– Тогда это точно письмо от Пробки, – вздохнул Дядьмедведь.

Рыжий тоже вздохнул. Хотя ему очень хотелось увидеть, как Пробка прилетит в четверг.

– А ещё эта ужасная Кругляшка, – продолжил Дядьмедведь. – Она ведь наверняка

за ним прикатит! Какой это будет день, ты сказал? Ах да, четверг!

С последнего четверга уже прошло немало времени. Но вообще-то четверги случались чаще, чем среды или пятницы.

— Если я не ошибаюсь, то четверг будет завтра или послезавтра, — пробормотал Дядьмедведь. — Надо засесть в засаде и поймать этого безумца на лету! Пожалуй, чемоданчик Крапинки для этого прекрасно подойдёт!

Дядьмедведь воодушевился. Отличная идея! Потом они вытряхнут чемодан где-нибудь подальше и на веки вечные забудут о пробках и кругляшках.

— Дорогой брат, увидимся в четверг! До свидания, маленькая Крапинка!

Дядьмедведь заковылял к дому пить дядькофе и размышлять о зловключениях и о безумном Пробке Бахе, которого необходимо поймать.

Вчетверг, прежде чем кто-либо успел понять, что и в самом деле наступил четверг, и пока Рыжий дремал в коробке, Крапинка отправилась в путь, чтобы вновь наполнить свой чемоданчик.

Не успела она отойти далеко, как наткнулась на Траурсена и Элефанту, которые растянулись на мху под сосной.

Траурсен обрадовался Крапинке. В последнее время их редко кто навещал, и он чувствовал себя как на отшибе, а компании склеротической слонихи ему было явно маловато.

Крапинка внимательно разглядывала старушку Элефанту, а старушка Элефанта задумчиво смотрела на Крапинку.

— Что это за маленькая штуковинка такая? — заинтересовалась она.

— Это медвежонок в крапинку, — объяснил Траурсен.

– А ты с ним знаком?

– Ну, можно и так сказать, – ответил Траурсен и приветливо улыбнулся Крапинке, которая с широко раскрытыми глазами приближалась к изрядно потрёпанному хоботу слонихи.

– Это сто?

– Это хобот.

Крапинка словно заворожённая смотрела на хобот.

– Хобот... – повторила она и осторожно потрогала его.

Элефанта довольно причмокнула.

– Осторожно! Он может оторваться! – предупредил Траурсен.

– Ну, тогда я пошла, – сказала обиженно Крапинка.

– О нет! Не уходи! Так приятно, когда кто-нибудь приходит навестить.

Крапинка робко присела на мох, открыла чемоданчик и показала, что там ничего нет. Просто пустая сумка, они это сразу поняли.

– Крапинке нужны штучки, – сказала Крапинка.

– Какие штучки?

– Всякие.

И она обвела жадным взглядом землю, на которой красивыми кучками были разложены хвойные иголки и шишечные чешуйки.

– Хочешь иголки? – спросил Траурсен.

– Да-а!

– А шишечки хочешь?

– Да-а!

Вместе они доверху набили чемодан хвойными иголками и шишечными чешуйками. Элефанта с интересом за ними наблюдали.

Траурсен хотел, чтобы Крапинка задержалась подольше и угостилась запасами из его кладовочки, но те показались ей не больно-то вкусными, а играть ни слониха, ни шишка не умели. Так что малышка подхватила свой полный теперь чемоданчик и собралась уходить.

И тут стремглав прикатил Мальчик.

– Четверг! – крикнул он. – Наступил четверг! Сегодня прилетит Пробка! Айда встречать!

Крапинка не успела спросить, что такое ЧЕТВЕРГ, как Мальчик умчался – к банке Мака и морю Ондатра.

Крапинка поплелась дальше со своим потяжелевшим чемоданом. К счастью, Рыжий уже искал её. Он помог донести чемодан домой. И поведал важную новость: что вдруг наступил четверг и вот-вот прилетит русская пробка от шампанского.

А ещё рассказал, что у Дядьмедведя появился план: поймать Пробку Баха в чемоданчик Крапинки, а потом выпустить где-нибудь подальше и забыть о нём на веки вечные.

Крапинка мало что поняла из его рассуждений, но вцепилась в чемоданчик железной хваткой и не пожелала открывать его, сколько бы пёс ни упрашивал её.

По всему было видно: вот-вот что-то случится. Все куда-то спешили. В воздухе ощущалось какое-то лихорадочное ожидание.

Когда до Рыжего дошло, что день назначенного прилёта уже наступил, у него появилась изумительная идея: хорошо бы всем собраться на вершине смотровой горы — от туда Пробку сразу заметишь. А раз уж они всё равно поднимутся на гору, почему бы заодно не провести урок по восхождению?

Потом его посетила ещё одна грандиозная мысль: что, если сперва забросить на вершину Траурсена? Тогда они смогут подняться наверх по его ленте! Не откладывая в долгий ящик, пёс уселся перед коробкой и принялся писать объявление. Он старательно выводил буквы, и вот что у него получилось:

В четверг:
Пилёт
Продки Баха и
уток по подьему
на югу

Дядьмедведь, как всегда, пришёл загодя. Он с трудом разобрал каракули Рыжего:

— У тебя, брат, ручка, что ли, сломалась?

Рыжий вздохнул. В чём-то он, видимо, сплеховал, но в чём?

Пёс как мог постарался объяснить Дядьмедведю свой план по восхождению на гору.

— А спросил ли ты, брат, Траурсена, будет ли это ему интересно?

– Ну нет пока, – признался Рыжий.

– Может быть, он вообще не захочет лезть на вершину. Сходи-ка да разузнай, а я пока присмотрю за Крапинкой.

Рыжий, вздохнув, отправился в путь. А Дядьмедведь поставил Четвёртую симфонию Медведельсона. И Крапинка тут же шмыгнула ему под пальто.

Траурсен был не против помочь в подъёме на гору. Правда, прежде он никогда в подобном не участвовал, но, если траурная ленточка выдержит, готов попробовать.

Пока Рыжий обсуждал с Траурсеном подъём и справлялся о здоровье старушки Элефанты, Дядьмедведь, забыв обо всём на свете, наслаждался Четвёртой симфонией, а заодно украдкой пытался заглянуть в чемоданчик

Крапинки, который показался ему подозрительно тяжёлым.

Когда, после долгих уговоров, она наконец его открыла, Дядьмедведь не поверил своим глазам. Это же обычный мусор!

– Чешуйки от шишек медвежонку ни к чему, – сказал он строго. – В лучшем случае они годятся для белок. А уж о хвойных иголках я и не говорю.

Крапинка насупилась:

– Тогда я ухожу!

– Нет, нет! Мы положим в чемоданчик... пробки!

Дядьмедведь попытался побороть своё отвращение к безумным пробкам.

– У Крапинки в чемоданчике будут замечательные пробки с проволокой на лбу!

Но малышка продолжала упрямяться.

– Дядьмедведь поймает для Крапинки замечательную русскую пробку, – обещал Дядьмедведь. «И совершенно безумную», – пробормотал он про себя.

В конце концов Крапинка сдалась. Она перевернула чемоданчик, и оттуда нескон-

чаемым потоком посыпались хвойные иголки и шишечные чешуйки.

Рыжий вернулся вместе с Траурсеном. Они шли очень медленно, потому что несли Элефанту, которая болталась между ними словно тряпка.

Чуть поодаль кто-то следовал за ними странными прыжками. Это был Шишкинсон, он совершенно одичал и выкрикивал что-то непонятное на незнакомом наречии. Видимо, прознал о прилёте Пробки Баха и захотел присоединиться к тем, кто решил подняться на гору.

Русский поэт сидел на своём камне и держал наготове ручку и блокнот, когда подошли Рыжий и вся компания. У Ондатра было прекрасное настроение, он надеялся, что сумеет дописать стихотворение о пробке.

В то же время он пребывал в некотором замешательстве. Резиновая обезьяна позвала его в свою рок-группу, которая устраивает по ночам тарарам в жестяной банке.

Дядьмедведь не мог сдержать своего неодобрения.

— Выкиньте вы подобные мысли из головы, любезный Ондатр, — посоветовал он. — Хватит с нас прилёта Пробки Баха.

Ондатр вздохнул с облегчением, и они продолжили путь вместе.

У подножия горы царило оживление, даже вышвырнутые еловые шишки были на месте и, похоже, в прекрасной форме, если судить по шишечным меркам.

Настроение у всех было приподнятое. Мак нарезал круги на огромной скорости. Шишкинсон скакал на свой странный манер. Птенчонок верещал, а Крапинка носилась повсюду с открытым чемоданом. Только

Дядьмедведю было не по себе и хотелось куда-нибудь скрыться. Но пора было начинать занятия. Мальчик усадил Траурсена на вершине так, чтобы траурная лента свешивалась до самой земли. Все радостно закричали «ура!».

Рыжий вышел вперёд и начал урок.

— Сегодня великий день, — сказал он. — К нам прилетит русская пробка. И благо-

даря Траурсену, который любезно предоставил в наше распоряжение свою ленту, мы проведём первое в нашей школе занятие по восхождению на гору.

— Да приступай уже, — прошипел Мак.

Среди слушателей росло нетерпение. Речь Рыжего явно затягивалась.

— Я полагаю, что самые маленькие... должны подняться первыми... Если лента их выдержит...

— Весьма разумно, — поддержал Дядьмедведь. — Пусть первыми идут еловые шишки.

Но это было легче сказать, чем сделать. Своими малюсенькими мозгами шишки никак не могли взять в толк, что им делать: подниматься вверх или спускаться вниз. В результате они так и повисли — ни туда ни сюда.

В конце концов Мальчик собрал их и расшвырял на все четыре стороны. Тогда наступил черёд Шишкинсона.

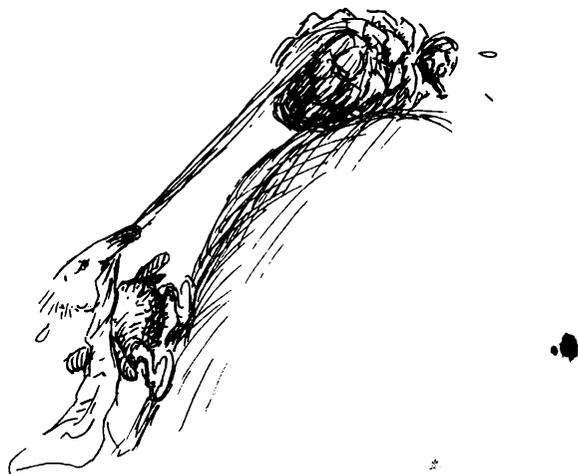
С неожиданной ловкостью он сам взобрался на гору. Но он-то был лихой малый и мозги у него были побольше, чем у еловых шишек.

Затем пришла очередь Птенчонка. Он крепко уцепился клювом и, ко всеобщему ликованию, шустро вскарабкался на вершину.

А вот лапки Крапинки оказались коротковаты. Малышка не смогла ухватиться за ленту. Но Дядьмедведь подталкивал её до тех пор, пока она не оказалась на вершине, где её радушно приветствовал Траурсен.

Мак был слишком гладким и то и дело соскальзывал с ленты. Тогда они попробовали его привязать, но он и тут выскользнул.

Дядьмедведь с трудом скрывал своё злорадство. Траурная лента к этому времени

изрядно потрепалась, что, кажется, весьма огорчало Траурсена.

После того как Мак несколько раз кряду свалился с ленты, Мальчик просто взял и посадил его на вершину. А затем таким же макаром перенёс туда и Элефанту – так намного проще.

Рыжий был очень доволен своим уроком. Теперь внизу остались только они с Дядьмедведем. Конечно, им никогда не одолеть такую высоту. Уж больно они тяжёлые и старые, да ещё и дырявые в придачу. Да и не пристало им, с их-то квалификацией, участвовать в подобных спортивных состязаниях!

Так что оба не стали возражать, когда Мальчик сам поднял их и усадил среди учеников на вершине.

Теперь оставалось только ждать. В предвкушении прилёта этого самого Баха на горе воцарилась тишина. Ондатр держал наготове ручку, а Дядьмедведь поднял над головой распахнутый чемодан.

Мальчик расхаживал взад-вперёд и высматривал, не летит ли кто.

— Я что-то слышу! — крикнул он немного погодя. — Какой-то шум.

Все прислушались.

Может, на самом деле и не было никакого шума. Но Рыжий тоже отчётливо его слышал, но это и неудивительно, ведь у него постоянно шумело в ушах.

Наконец все различили вдалеке характерный пробочный гул. Он становился всё громче.

— Он приближается! — завопил Мальчик.

И вдруг на небе показался Пробка Бах! Он летел словно комета. Летел сам по себе, без мотора и крыльев.

Все затаили дыхание. Все, кроме Ондатра. Поэт схватил блокнот и стал писать:

«Ты летишь словно Ца...»

Дядьмедведь тем временем подошёл к самому краю, чтобы наверняка поймать Пробку в свой чемодан.

Но Бах пролетел мимо. Веки его были высокомерно опущены. Так Дядьмедведь остался с носом.

Все услышали, как Пробка Бах, прежде чем совершить рискованное пикирование, прокричал: «Целуйте мои ноги!», а затем ещё раз пролетел над ними, совсем близко.

Тут уж Дядьмедведь не сплеховал! Пробка врезался головой в чемодан, и Дядьмедведь поспешил его живенько захлопнуть. Опасный безумец был пойман!

Настроение у всех собравшихся на вершине взлетело до небес. Пробка Бах отчаянно бился внутри чемодана, словно там грохотала настоящая канонада.

На радостях все скатились вниз, и урок поспешно закончился.

Пока Пробка бушевал, Рыжий награбил всех золотыми звёздочками. Он собрался было приклеить одну Траурсену, как вдруг воздух прорезал жуткий смех, от которого у всех волосы встали дыбом.

– Кругляшка... – простонал Дядьмедведь.

Кругляшка подкатила к ним, истерически смеясь и тарашась на всех единственным глазом.

– Мой жених! Мой жених! Где он? – верещала она.

Дядьмедведь не стал терять времени даром. Преодолев смертельное отвращение, он бросился к Кругляшке и, приоткрыв слегка чемодан, поймал её и запер внутри.

Все закричали «ура» и принялись поздравлять друг друга. Пробка Бах и Кругляшка так отчаянно грохотали в своём заочении, что Дядьмедведь на всякий случай

сел на чемодан. Ондатр притулился рядом с блокнотом. Дядьмедведь попытался пару раз заговорить с ним, но ничего из этого не вышло. Ондатр целиком и полностью ушёл в сочинительство. И вот наконец стих был готов:

– Здравствуй, гордая русская Пробка!
Ты летишь, словно Цапля, над тро...

– Простите, любезный брат, – перебил его Дядьмедведь. – Но что означает это короткое слово ТРО?

– Что?

– Вы сказали ТРО, что это значит?

– Ах, стихотворение ещё не закончено, – нервно объяснил Ондатр. – Это только начало, но, когда я его закончу, оно, возможно, станет вершиной моего творчества.

– Ясно. А какое всё-таки это будет слово? – не отступал Дядьмедведь.

Ондатр попытался объяснить:

– Это... Оно должно рифмоваться с ПРОБКОЙ. Нужно такое маленькое слово... ТРОПКА!

Найдя рифму, Ондатр так обрадовался, что у него даже горло перехватило. Он поспешно раскрыл блокнот.

А вот Дядьмедведь остался не очень доволен, хоть и должен был признать, что у «тропки» есть свои достоинства. Но вот зачем там ещё и «цапля»? В детстве, ещё медвежонком, они вместе с Рыжим и Элефантой с большим трудом усвоили в Картонной школе «Журавлей и цапель». Вспоминать об этом ему не хотелось.

После волнений этого дня все устали. Крапинка уснула, завернувшись в дядькофту. Шишкинсон снова пустился в бега.

Дядьмедведь размышлял: не пойти ли ему домой и разложить пасьянс. Но оставалась одна серьёзная нерешённая проблема: куда, ради всего святого, прикажете девать безумного Баха и Кругляшку?

Траурсен уже не мог ничего посоветовать, они с Элефантой отправились домой — у слонихи на вершине от недостатка кислорода закружилась голова. Рыжий заснул. А Мальчику всё надоело, и он отправился рыть новое озеро, которое не должно было высыхать.

Только Мак сидел и прислушивался к грохоту, доносившемуся из чемодана.

— Привет, панкёр! — обратился он к Дядьмедведю.

Тот вздрогнул:

— Это ты мне?

— А кому же ещё! Разве здесь есть другие панки? У меня появилась отличная идея! Этот псих и Кругляшка могли бы зажигать у меня в рок-группе.

— О нет! Их ни в коем случае нельзя выпускать! Ни под каким предлогом! — воскликнул Дядьмедведь.

— А кто говорит «выпускать»? — сказал Мак. — Пусть отбивают такт прямо в чемодане!

Дядьмедведь не знал, что ему ответить. Сам-то он пока не нашёл подходящего места, куда бы зашвырнуть эту парочку.

— Резиновая обезьяна может одолжить чемодан до завтра, а там решим, что делать дальше, — важно заявил он.

— Класс! — Мак подхватил чемоданчик с громкоголосой парочкой и в сгущавшихся сумерках помчался к дому.

Ночью Крапинка, спавшая в коробке, начала вдруг зябнуть и дрожать. Рыжий укрыл её своей дядькофтой, но это не помогло, малышку по-прежнему знобило. Наверное, её продуло на вершине. Хотя Рыжий и знал кое-что про болезни, но здесь он был не силен. Тем более на этот раз заболела Крапинка.

Он три раза рассказал ей «коф-фе сказку». В конце концов Крапинка затрясла головой и не желала больше слушать. Рыжий пришёл в отчаяние.

Да ещё ночка выдалась тёмная-претёмная и тянулась дольше обычного. Из жестяной банки долетали удары и крики, там продолжался рок-концерт, на котором зажигали Пробка Бах и Кругляшка.

Но вот звёзды погасли. Рыжий открыл коробку. Крапинка наконец-то заснула, но она была горячая, как печка.

Едва луна соскользнула в Ондатрово море, приковылял Дядьмедведь. Его утренние прогулки с некоторыми пор начинались всё раньше и раньше и непременно приводили к Крапинке.

Вот и на этот раз он ненадолго остановился у банки Мака. Прислушиваясь к глухим ударам Баха и Кругляшки, он прикидывал, куда бы зашвырнуть их с глаз долой. Но, так ничего и не придумав, направился к Картонной школе.

При виде печального Рыжего, который сидел, сгорбившись над «Внутренней политикой Китая», и баюкал Крапинку, у Дядьмедведя похолодело на душе.

– ДЧМЖ! – поздоровался он.

– Тише, малышка заболела, наверное, простудилась, – прошептал Рыжий.

Дядьмедведь, при всём его интересе к болезням, на этот раз не обрадовался. Он потрогал лапой горячий лоб медвежонка и испуганно отёрнул её:

– Дорогой брат, необходимо её остудить.

Он осторожно взял малышку и стал дуть на неё, чтобы она немножко остыла.

Вдруг Дядьмедведь замер:

– А что это? У неё какие-то чёрточки!

И он показал Рыжему маленькие странные чёрточки, появившиеся между крапинками.

– Да, болезнь серьёзная, – пробормотал Дядьмедведь.

Рыжий побледнел. Он никогда прежде не встречал такого заболевания, но ясно видел чёрточки и чувствовал, каким горячим стал маленький носик.

Когда Дядьмедведь положил Крапинке на лоб несколько холодных листьев, малютка открыла глаза, устало посмотрела на них обоих и прошептала:

– Клапинка заболела.

– У Крапинки высыпали чёрточки, но скоро эта сыпь пройдёт, – поспешил успокоить её Дядьмедведь.

– Ласкажи сказку, – попросила она слабым голосом.

Дядьмедведь попробовал устроиться поудобнее.

– Может, ты, брат, на время освободишь коробку и пойдёшь понюхать свои палочки, – намекнул он, – а я останусь и расскажу малютке сказки.

Дядьмедведь, в отличие от некоторых, не забыл сказки, которые рассказывала ему мама, когда он был маленьким медвежонком.

Пока Рыжий обнюхивал свои палки и лениво поправлял то одну, то другую, если они лежали неправильно, Дядьмедведь с воодушевлением рассказывал о лягушках, которые превратились в плюшевых мишек, и о ведьмах, которые поедали маленьких птенчат.

В запасе у Дядьмедведя было столько сказок, что он вконец запугал медвежонка. Тогда

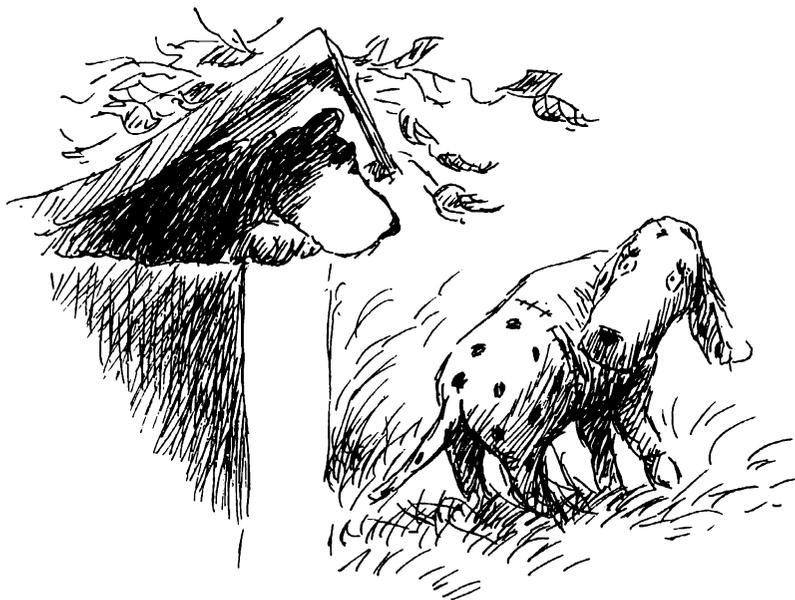
он достал граммофон и завёл траурный марш Медведельсона.

– А медвежата могут уметь? – спросила Крапинка, когда затихли последние печальные звуки.

Дядьмедведь был потрясён.

– Это очень маловероятно, – поспешил заверить он. – Такого почти никогда не случается.

Но в глубине души его терзали сомнения. Он окликнул Рыжего, который в тревоге бродил возле коробки:

– Скажи, брат... а может ли так случиться, что... что какой-нибудь медвежонок вдруг умрёт?

Рыжий побледнел и чуть не грохнулся в обморок.

– О нет! – закричал он. – Может, иные и умирают иногда, но только не медвежата! Такого не бывало!

Крапинка успокоенно улыбнулась.

Весть о том, что Крапинка лежит больная в коробке и что у неё появились чёрточки, разнеслась с быстротой лесного пожара. То один, то другой навевывались с подарками, желая малышке скорейшего выздоровления.

Траурсен принёс холодный камешек, его можно было класть на лоб. Ондатр – ластик, чтобы стирать чёрточки. Потом появился Мак, на верёвке за мотоциклом он с грохотом тащил чемоданчик.

– Ради всего святого! – заорал Дядьмедведь. – Убирайся немедленно со своим чемоданом! Малютка Крапинка серьёзно больна.

– Ну и что такого? Хороший рок ещё никому не навредил, – дерзко ответил Мак.

В чемодане и вправду продолжался рок-концерт. Дядьмедведь замахал:

– Только не вздумай их выпустить!

– Вот ещё! – сказал Мак и направился к чемодану.

Тут как раз прикатил Мальчик.

– Пожалуйста, забери чемодан, – крикнул в отчаянии Дядьмедведь, – пока эта резиновая обезьяна до него не добралась!

Мальчик подхватил чемоданчик и положил его в коляску.

И в этот миг из-под дядькофты послышался слабый голосок:

– Дайте Клапинке семодансик...

Но Дядьмедведь решительно запротестовал:

– Скоро-скоро Крапинка получит свой чемоданчик. Только надо немножко подождать... А пока дедушка медведь расскажет ей сказочку...

Всё это время Рыжий бродил вокруг коробки, печальный и всеми забытый. Никто не обращал на него внимания. Крапинка забыла про него, сидит на коленях у Дядьмедведя и слушает его сказки, пока Ондатр стирает и стирает ластиком её чёрточки.

– Да прекрати уже наконец ходить туда-сюда, – проворчал раздражённо Дядьмедведь. – Скажи лучше, что нам делать с Пробкой и Кругляшкой!

Рыжий остановился и задумался.

– Может, их просто выбросить? – предложил он, не придумав ничего лучше.

– Но куда, дорогой брат?

– Может быть, Мальчик... забросит их... за кусты сирени?

– Точно! – обрадовался Мальчик.

– Точно! – закричала маленькая Крапинка. Она оживала на глазах, по мере того как стирались её чёрточки.

– Это же бесчеловечно! – возмутился Ондатр.

– Вовсе нет! Это просто весело! Таких пробок и кругляшек – тысячи! Пруд пруди! Вообще всех – пруд пруди! – кричал Мальчик.

– И медвежат в крапинку тоже?

Тут Мальчик задумался.

– Нет, медвежонок в крапинку один-единственный, – серьёзно сказал Рыжий.

– И Лыжий тоже! – крикнула Крапинка, бросилась к Рыжему в объятия и уткнулась в дядькофту.

Пёс радостно кивнул.

– И Дядьмедведь один-единственный. И Он-
датл. И Тлаулсен. И Элефанта. И...

Рыжий всё кивал и кивал.

– И Птенчонок, – пискнул Птенчонок.

– И Мальчик! – крикнул Мальчик и, рванув с места, укатил сквозь кусты сирени.

Продолжение следует

Литературно-художественное издание
Для младшего школьного возраста

ЛИНДГРЕН Барбру
**МАЛЬЧИК, ДЯДЬМЕДВЕДЬ И ПТЕНЧОНОК
В ОЖИДАНИИ ПЯТНИЦЫ**

Сказочная повесть

Перевод со шведского
Ольги Мязотс

Художник
Эва Эриксон

Ответственный редактор *М. Ю. Теплова*
Художественный редактор *М. Е. Мухина*
Технический редактор *К. А. Путилова*
Корректоры *Е. В. Туманова, Т. И. Филиппова*
Вёрстка *И. И. Лысова*

Подписано в печать 14.08.2020. Формат 70 × 90¹/₁₆.
Гарнитура «SchoolBook». Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,21.
Тираж 4000 экз. D-KLE-25208-01-R. Заказ № 4343/20.
Дата изготовления 15.09.2020.
Срок службы (годности): не ограничен.
Условия хранения: в сухом помещении.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака Machaon
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

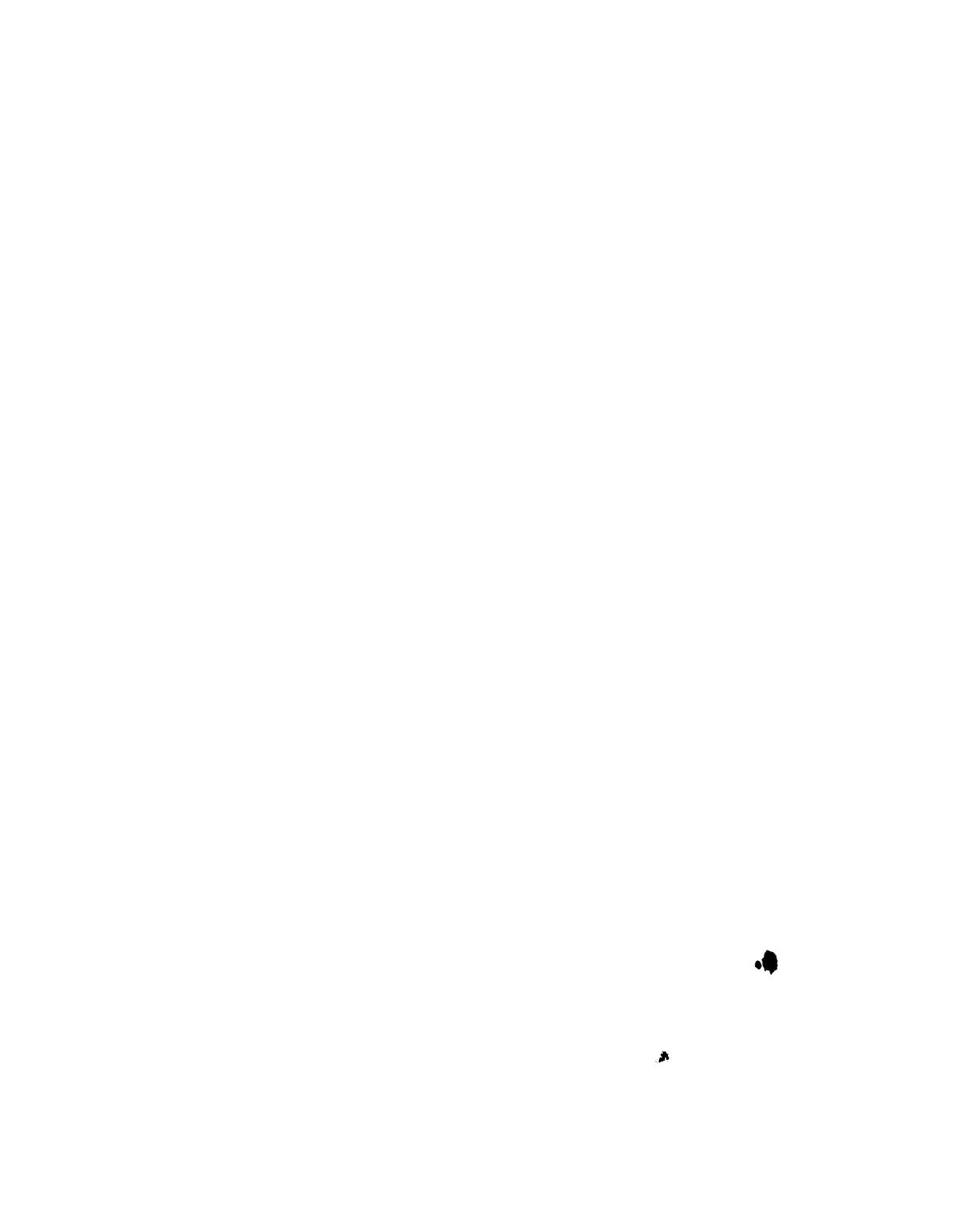
Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

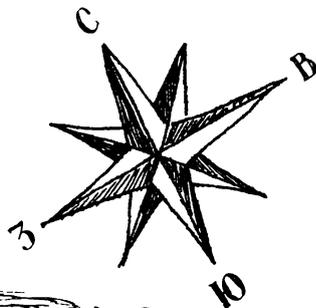
ЧП «Издательство «Махаон-Украина»
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

Эмон

Здесь Рыжий
нашел плот

Сосна
Элефанты

Картонная
школа

Банка
O'boy

Земля Мальчика

Здесь они потерялись

Барбру Линдгрен – известная шведская писательница, получившая признание не только у себя на родине, но и далеко за её пределами. Её книги переведены более чем на 30 языков.

Открыла талант Барбру её знаменитая однофамилица Астрид Линдгрен.

В 2004 году за вклад в мировую детскую литературу Барбру стала лауреатом Международной премии Ханса Кристиана Андерсена, а в 2014 году она была удостоена престижной премии памяти Астрид Линдгрен.

Герои весёлой и увлекательной сказочной трилогии Барбру Линдгрен продолжают придумывать игры и развлечения. В пятницу они с волнением ожидают появления Пробки Баха – обыкновенной пробки от шампанского. Особенно его ждёт Кругляшка, ведь она считает Баха своим женихом. Ондатр сочиняет по этому случаю стихотворение, а Мальчик между тем находит плюшевого медвежонка – крохотную Крапинку, которая сразу покоряет сердце не только старого пса Рыжего, но и Дядьмедведя, погружённого в составление генеалогического древа...

